

1067, 152
ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

С. Павленко
Воскресенск.

152

ВАЛЬТЕРЪ СКОТТЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ

А. Паевской

Съ портретомъ Вальтера Скотта, гравированнымъ
въ Лейпцигѣ Геданомъ

.....
ЦѢНА 25 КОП.
.....

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГР. ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ., 39

1891

В. СКОТТЪ.

ИЗДАНИЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Продаются во всех книжных магазинах. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (Спб., Лештуковъ пер., № 2).

Для дѣтей и юношества.

- ДВА ПРОКАЗНИКА** Шуточный разсказъ въ стихахъ. В. Буша. Переводъ съ 25 нѣмецк. изданія. Около 100 рис. Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ пер. 1 р. 25 к.
- ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЫ** Дѣтскіе разсказы. А. Лякидъ. Съ рисунками. Ц. 75 к., въ папкѣ — 1 р., въ переплетѣ — 1 р. 25 к.
- РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ ВЪ СТИХАХЪ** А. Брянчанинова. Съ предисловіемъ Тургенева и 50 рисунками. Ц. 2 р., въ пап. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.
- ЧЕРНЫЕ БОГАТЫРИ** Е. Конради. Съ 51 рисунк. Ц. 2 р. Въ перепл. — 2 р. 75 к.
- ЗАДУШЕВНЫЕ РАЗСКАЗЫ** П. Засодимскаго. Два тома съ 136 рис., цѣна кажд. въ папкѣ 1 р. 50 к. Въ перепл. — 2 р.
- ХОРОШЕ ЛЮДИ** В. Острогорскаго. 45 рис. Въ пап. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
- ИЗЪ ЖИЗНИ И ИСТОРИИ** А. Арсеньева. Съ рис., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
- ПОСЛУШАЕМЪ!** Разсказы. А. Нольде. 28 рис. Въ папкѣ 1 р. Въ пер. 1 р. 50 к.
- ДѢТСКІЙ МАСКАРАДЪ** Н. Азбелова. Съ 16 рис. Цѣна 20 к.
- ПАГЛЯДНЫЯ НЕСООБРАЗНОСТИ** (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) Ф. Павленкова. 200 рисунковъ на 10 листахъ Ц. 1 р., "Объясненіе" къ нимъ 5 к.
- ТРОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА** В. Обреимова. Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рисун. и 39 кастетами. Ц. 1 р.
- МАТЕМАТИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ** 50 теоремъ, доказывающихъ, что $2 \times 2 = 5$, часть больше своего цѣлаго, и пр. Составилъ В. Обреимовъ. 2-е изд. Ц. 40 к.
- ИСКРЫ БОЖЬИ** Биографическія очерки А. Островинскаго. Цѣна 1 р. 25 к.
- 20 БИОГРАФИЙ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУС. ПИСАТЕЛЕЙ** Составилъ В. Острогорскій. Съ 20 портретами. 2 изд. Ц. 50 к.
- СКАЗКИ ГУСТАФСОНА** Ц. 1 р. 25 к., въ пап. — 1 р. 50 к., въ перепл. — 1 р. 75 к.
- ИСТОРИЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ** Ламефлёрри. Съ 52 рис. 2-е изд. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.
- ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ДИККЕНСА** въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой: 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Холодный домъ, 8) Николай Никльби, 9) Бронжа Дорритъ, 10) Двагорода. Цѣна каждаго романа — 40 к. Въ папкѣ 50 к.
- ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ** С. Ворисгофера. Съ 73 рис. Ц. 2 р. Въ папкѣ 2 р. 25 к., въ пер. — 2 р. 50 к.
- ЧРЕЗЪ ДЕБРИ И ПУСТЫНИ** С. Ворисгофера. Съ иллюстраціями. Ц. 2 р., въ пап. — 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 75 к.
- СКАЗОЧНАЯ СТРАНА** С. Ворисгофера. Съ иллюстр. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 75 к.
- ПРИКЛЮЧЕНІЯ КОНТРАБАНДИСТА** С. Ворисгофера. Съ иллюстрац. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.
- МУЧЕНИКИ НАУКИ** Г. Тисандье. Переводъ подъ ред. Ф. Павленкова. Съ 55 рис. Ц. 2 р. Въ пер. 2 р. 50 к.
- НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ** Тисандье. Пер. подъ редакціей Ф. Павленкова. 353 рис. Ц. 2 р., въ перепл. — 2 р. 75 к.
- МАТЕМАТИЧЕСКІЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ** Люкаси. Съ франц. Ц. 1 р.
- ВЕЧЕРНИЕ ДОСУГИ** А. Круглова. Съ 70 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. — 2 р.
- РЫЖІЙ ГРАФЪ** НЕРАЗЛУЧНИКИ. ДОЧЬ УГОЛЬЩИКА. П. Засодимскаго. Съ рисун. Ц. каждаго книжки по 35 к.
- ЖИВЫЯ КАРТИНКИ** А. Смирнова. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ — 1 р. 75 к., въ переплетѣ — 2 р.
- ЯНКИ ВОЛОГОДСКАГО УЪЗДА** А. Круглова. Съ 6 рис. Ц. 25 к.
- НЕЗАБУДКИ** А. Круглова. Сборникъ разсказовъ. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ — 1 р. 75 к., въ перепл. — 2 р.
- ПРИКЛЮЧЕНІЯ СВЕРЧКА** Э. Кандела. 67 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ — 2 р. 25 к., въ переплетѣ — 2 р. 50 к.

15 іюля 1891 г. Ф. Павленковъ выпуститъ дешевое изданіе сочиненій Лермонтова.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

XXII-11994a

*Архивъ В. Скотта
Мерноула
Виндзорска.*

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА I.

СТР.

Предки В. Скотта.—Семья его.—Первое дѣтство.—Жизнь въ Санди-Ноз.—Возвращеніе въ родительскій домъ.—Школа.— Университетъ.—Будущій романистъ получаетъ званіе адвоката. 5

ГЛАВА II.

Первая любовь В. Скотта.—Поѣздки въ горную Шотландію.— Первые стихотворныя попытки В. Скотта.—Женитба его.— Первые сношенія съ Балантайномъ.—Друзья и помощники В. Скотта.—Дальнѣйшіе литературные труды.—Семейная жизнь поэта. 31

ГЛАВА III.

В. Скоттъ издаетъ первый свой романъ „Вэверлей“ и переходитъ на новое литературное поприще.—Успѣхи его, какъ романиста.—Слава и извѣстность.—Жизнь въ Абботсфордѣ. 49

ГЛАВА IV.

Банкротство Балантайна и Констэбля.—Разореніе В. Скотта.— Семейныя печали.—Смерть лэди Скоттъ. 59

ГЛАВА V.

Болезнь В. Скотта.—Поѣздка на континентъ.—Возвращеніе въ Абботсфордъ.—Послѣдніе дни и кончина В. Скотта . . . 74

Популярно-научныя книги.

- ПРЕДСКАЗАНИЕ ПОГОДЫ.** Далле. Перев. съ франц. Съ 41 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
- ФИЗИОЛОГИЯ ДУШИ.** А. Герцена, профессора Лозан. университета, Предисл. Герцена а-отца. Съ франц. Ц. 1 р.
- МІРЪ ГРЕЗЪ.** Д-ра Симона. Сновидѣн. галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипногизмъ, иллюзи. Съ франц. Ц. 1 р.
- РУЧНОЙ ТРУДЪ.** Составилъ Графиня въ Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.
- ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА.** П. Мантеганца. Пер. съ 5-го итальян. изд. Ц. 1 р. 50 к.
- ПРОГРЕСЪ ПРАВДЕНОСТИ.** Летурио. Перевела съ франц. Эл. Зауеръ. Ц. 1 р. 50 к.
- УМСТРЕННЫЯ ЭПИДЕМИИ.** Д-ра Реньяра. Перевела съ франц. Эл. Зауеръ. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.
- КОТОРЫЙ ЧАСЪ?** И. Вавилова. Проверка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнечных часовъ. Съ 13 рис. Одобрено Академіей Наукъ. Цѣна 30 к.
- СВѢТЪ БОЖІИ.** Популярныя очерки міровѣдѣнія. 5-е изданіе, въ первый разъ издѣствованное 60 рис. Ц. 30 к.
- ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ.** Фламариона. Съ франц. 100 рис. Ц. 1 р. 25 к.
- ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ.** Э. Ренье. Перевелъ и дополнялъ Д. Головъ. Съ 78 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
- ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ.** В. Чиколева. съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.
- ЧУДЕСА ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА.** В. Чиколева. Ц. 30 к.
- О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢЩЕНІЯ.** В. Чиколева. Ц. 25 к.
- ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНИТИЗМЪ.** А. Гано и Ж. Маневре. Перев. Ф. Павленкова, В. Черасова и С. Степанова. Съ 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.
- СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ.** В. Чиколева. Ц. 75 к.
- БЕРЕГИТЕ ЛЕГКІЯ!** Гигіеническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 30 рис. Ц. 75 к.
- ЖИЗНЬ НА СѢВЕРѢ И ЮГѢ.** А. Брема. (Дополненіе къ „Жизни животныхъ“). Со многими рисунками. 2 тома. Цѣна за оба 2 р.
- ТЕЛЕФОНЪ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИМѢНЕНІЯ.** Д-ра Мейера и Приса. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.
- ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ.** Нюде. Перев. съ франц. Со многими рис. Ц. 2 р.
- ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНИТИЗМѢ.** О. Хвольсона. Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц. 2 р.
- СЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА.** Э. Госпиталье. Пер. С. Степанова, со 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
- ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БѢТУ.** Э. Госпиталье. Пер. съ франц. С. Степанова. Со 157 рис. Ц. 2 р.
- ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ.** Боттопа. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Перев. съ англійскаго и дополнялъ Д. Головъ. Ц. 1 р.
- СОВРЕМЕННЫЯ ПСИХОПАТИИ.** Д-ра Кюллера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
- ПСИХОЛОГИЯ ВНИМАНІЯ.** Д-ра Рибо. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к.
- ПСИХОЛОГИЯ ВЕЛИКЪ ЛЮДЕЙ.** Жолли. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.
- СЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМЪЩАТЕЛЬНОСТЬ.** Ц. Ломброзо. Съ рис. Ц. 2 р.
- ТО СДѢЛАЛЪ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ?** Съ портретомъ Дарвина. Переводъ Г. Долатина. Ц. 75 к.
- ЖЕЛѢЗНЫЙ ЖУКЪ.** Чтеніе для народа. съ 3 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.
- ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢКОМЫЯ.** Сост. Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. 80 к.
- ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО.** Н. Жуковскаго. Съ 72-мя рис. Ц. 60 к.
- ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ.** Сост. Г. Гисандье. Съ рис. Переводъ съ француз. Ц. 60 к.
- СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ.** Эспинаса. Перев. съ франц. Ф. Павленкова. 500 стр. Ц. 2 р. 60 к.
- ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДІАГНОСТИКА.** Профес. Да-Коста. Съ илж. 704 стр., 43 рис. Ц. 3 р. 50 к.
- ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЬ.** Опытъ популярно-научной философіи. А. Секин. Перев. съ франц. Ф. Павленкова. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
- ДОМАШНЕЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ.** Д. Соломенса. Пер. съ англ. Г. Роловъ. Со мног. рис. Ц. 1 р.
- НА ВСЯКІИ СЛУЧАИ!** Научно-практическія совѣты сельскимъ хозяйкамъ. А. Альмедиягена. Ц. 50 к.
- ПЕРВОБЫТНЫЯ ЛЮДИ.** Дебёра. Перев. съ франц. Со мног. рисун. Ц. 1 р.
- ДАРВИНИЗМЪ.** Э. Ферьера. Пер. съ франц. Попул. излож. ученія Дарвина въ примѣненіи къ животн. и растен. животн. и чел. Ц. 60 к.

*Архивъ Франклинъ
Второй.
Вашингтонъ.*

ГЛАВА I.

1771—1792.

Предки В. Скотта.—Семья его.—Первое дѣтство.—Жизнь въ Санди-Ноз.—Возвращеніе въ родительскій домъ.—Школа.—Университетъ.—
Будущій романистъ получаетъ званіе адвоката.

Семья Вальтера Скотта принадлежала къ большому и вѣдственному шотландскому клану. Отецъ его, эдинбургскій стряпчій, первый во всемъ своемъ родѣ поселился въ городѣ и избралъ осѣдлую профессію. Предки писателя, Скотты изъ Гардена, упоминаются въ исторіи Шотландіи съ XI вѣка. Они были въ родствѣ съ древнимъ родомъ герцоговъ Буклю и жили въ Гарденскомъ замкѣ на шотландскомъ порубежьи, т. е. въ странѣ пограничной между южной Шотландіей и сѣверной Англійей. Замокъ стоялъ въ узкой и глубокой долинѣ, орошаемой горнымъ потокомъ, впадающимъ въ Тевіотъ. Массивныя развалины его еще существуютъ и возвышаются на кругломъ берегу, окруженныя старинными вязами. Отсюда мужественныя и безпокойныя порубежники производили свои набѣги на сосѣдей, отбивали у нихъ скотъ и грабили ихъ имущество. Самымъ знаменитымъ изъ предковъ романиста былъ Вальтеръ Скоттъ, жившій въ царствованіе Маріи Стюартъ и извѣстный подъ именемъ стараго Ватта изъ Гардена. О немъ и его красавицѣ-женѣ сохранились многочисленныя преданія, изъ которыхъ мы можемъ составить себѣ понятіе объ образѣ жизни порубежныхъ воиновъ. Старый Ваттъ обыкновенно выѣзжалъ на

добычу въ сопровожденіи многочисленныхъ слугъ и товарищей. Награбленное добро прятали въ глубинѣ непроходимаго ущелья по сосѣдству со старою Гарденскою башнею, какъ назывался замокъ. Изъ ущелья скотъ постепенно приводили на убой въ замокъ. Когда послѣдняя корова была убита и съѣдена—жена стараго Ватта подавала на столъ пустое блюдо, на которомъ лежала только пара ярко вычищенныхъ шпоръ—намекъ всадникамъ, чтобы они позаботились о будущей трапезѣ.

Сынъ стараго Ватта, въ послѣдствіи сэръ Вильямъ Скоттъ, осыпанный милостями шотландскаго короля Якова VI, былъ достойнымъ сыномъ своего отца. Во время одного изъ своихъ набѣговъ на земли сэра Гидеона Муррея изъ Элибанка онъ былъ взятъ въ плѣнъ. Преданіе говоритъ, что ему предложили на выборъ: либо быть повѣшеннымъ, либо жениться на «большеротой Мэгъ», самой безобразной изъ трехъ дочерей сэра Гидеона. Сэръ Вильямъ былъ красивый молодецъ. Онъ выпросилъ трехдневную отсрочку для размышленія и кончилъ тѣмъ, что предпочелъ жизнь, хотя бы и въ обществѣ некрасивой жены. Мэгъ, оказавшаяся примѣрною женою, передала свой большой ротъ потомству и въ томъ числѣ В. Скотту.

Между предками романиста, кромѣ смѣлыхъ удалцовъ-порубежниковъ, были также ученые, какъ сэръ Майклъ Скоттъ, писавшій въ XIII стол. и извѣстный своими сочиненіями по астрономіи, алхіміи и естественнымъ наукамъ, за что прослылъ между современниками колдуномъ. Другой предокъ писателя, также называвшійся Вальтеромъ, напечаталъ въ XVII стол. въ стихахъ «Исторію знаменитаго рода Скоттовъ». Внукъ стараго Ватта изъ Гардена былъ дѣдомъ отца романиста; онъ также носилъ имя Вальтера и былъ извѣстенъ въ долину Тевіота подъ прозвищемъ «Бородатаго», потому что не сталъ брить бороды послѣ изгнанія Стюартовъ; онъ потерялъ все свое состояніе, интригуя въ ихъ пользу, и самъ даже брался за оружіе, рискуя быть повѣшеннымъ за государственную измѣну. Отъ своего бородатаго предка Вальтеръ Скоттъ

наслѣдовалъ извѣстную слабость къ Стюартамъ, которыхъ, впрочемъ, вовсе не оправдывалъ.

У Бородатаго было три сына; второй, Робертъ, дѣдъ романиста, сначала поступилъ въ морскую службу, но, испытавъ въ первую-же свою поѣздку кораблекрушеніе, почувствовалъ такое отвращеніе къ морю, что безусловно отказался отъ вторичнаго плаванія. Разсерженный отецъ не могъ простить ему этого и отрекся отъ него. Предоставленный самому себѣ, Робертъ перешелъ на сторону виговъ и обратился за помощью къ своему родственнику и феодальному вождю, мистеру Скотту изъ Гардена, который далъ ему въ аренду ферму Санди-Ноз; среди ея утесовъ возвышаются развалины Смальгольмской башни, воспѣтой впоследствии В. Скоттомъ. Робертъ Скоттъ началъ свое хозяйство, нанявъ пастуха, по имени Гагга, который, изъ уваженія къ роду Скоттовъ, довѣрилъ новому своему хозяину все свое состояніе, равнявшееся 30 фунтамъ стерлинговъ. Съ этою суммою господинъ и слуга отправились на ярмарку покупать овецъ. Они долго выбирали ихъ, но когда пастухъ наконецъ нашелъ такихъ овецъ, какихъ имъ было нужно, то увидѣлъ, что господинъ его гарцуетъ на прекрасномъ конѣ, только что купленномъ на весь наличный капиталъ. Эта спекуляція впрочемъ была удачна: черезъ нѣсколько дней Робертъ такъ ловко выказалъ достоинства своего коня на охотѣ у Джона Скотта изъ Гардена, что продалъ свою покупку за двойную цѣну. Послѣ этого онъ больше не занимался никакими спекуляціями, но устроилъ свою ферму, и первый завелъ торговыя сношенія между горною Шотландіею и главными англійскими графствами, причемъ нажилъ порядочныя средства. Робертъ Скоттъ былъ средняго роста, дѣятеленъ, энергиченъ, горячъ, проникателенъ, строго честенъ и такъ славился повсюду своимъ знаніемъ сельскаго хозяйства, что всѣ сосѣди прибѣгали къ нему за разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ. Благородное происхожденіе обезпечивало ему доступъ въ лучшее общество графства, а искусство въ охотѣ и рыбной ловлѣ

дѣлало его пріятнымъ товарищемъ и интереснымъ за-стольнымъ собесѣдникомъ. Отецъ В. Скотта былъ старшимъ изъ многочисленныхъ дѣтей Роберта Скотта. Это былъ формалистъ, глубоко убѣжденный въ необходимости строгаго воспитанія, страстно любившій порядокъ и аккуратность; онъ даже не цѣнилъ хорошей книги безъ хорошаго переплета и болѣе всего выходилъ изъ себя при необходимости какого нибудь отступленія отъ «благоустроенной гармоніи домашняго обихода». В. Скоттъ, говоря о своемъ отцѣ, упоминаетъ, что онъ былъ красивъ собою, причемъ отличался мягкостью, добротой, большою воздержностью и набожностью. Онъ съ замѣчательнымъ достоинствомъ умѣлъ руководить всякими официальными церемоніями и «безусловно любилъ похороны». Онъ даже держалъ у себя списокъ многочисленныхъ родственниковъ, дальнихъ и близкихъ, для того чтобы имѣть возможность присутствовать на ихъ похоронахъ, которыми его часто просили распоряжаться. «Я подозреваю», прибавляетъ романистъ, «что ему не разъ приходилось платить за нихъ. Онъ при всякой возможности возилъ меня съ собою на эти погребальныя церемоніи; но я, чувствуя, что не могу, подобно ему, приносить тамъ пользу или служить украшеніемъ, старался, насколько могъ, избавиться отъ этихъ поѣздокъ». Въ политикѣ старикъ Скоттъ былъ сторонникомъ свободы, но въ то же время убѣжденнымъ монархистомъ.

Мать В. Скотта, урожденная Рутерфордъ, была небольшого роста и не отличалась красотою. Она получила лучшее воспитаніе, чѣмъ большинство современныхъ ей шотландскихъ женщинъ. Для усовершенствованія въ наукахъ и манерахъ ее поручили нѣкоей мистрисъ Опсильви, которая такъ умѣла муштровать своихъ воспитанницъ, что г-жа Скоттъ, будучи уже восьмидесятилѣтнею старухой, не смѣла покойно усѣсться въ креслѣ и прислониться къ его спинкѣ, точно все еще находилась подъ наблюденіемъ суровыхъ очей своей воспитательницы. Г-жа Скоттъ была нѣжною и доброю матерью, отличалась веселымъ

характеромъ, наблюдательностью, юморомъ и любовью къ стариннымъ шотландскимъ балладамъ, легендамъ и сказкамъ, которыя прекрасно умѣла рассказывать. Послѣ ея смерти В. Скоттъ писалъ о ней лэди Луизѣ Стюартъ:

«Ея умъ отличался пріобрѣтенными свѣдѣніями и природною талантливостью; и такъ какъ она была очень стара и обладала прекрасною памятью, то умѣла своими рассказами очертить поразительную картину прошлыхъ временъ. Если я достигъ чего-либо въ описаніяхъ старины, то во многомъ обязанъ ей.»—Наканунѣ того дня, когда ее разбилъ параличъ, она рассказывала «съ величайшею точностью настоящую исторію Ламермурской невѣсты» и указывала на то, чѣмъ эта исторія разнится отъ романа того же имени, написаннаго ея сыномъ Она помнила имена всѣхъ дѣйствующихъ лицъ и объясняла ихъ родство съ существующими фамиліями. В. Скоттъ былъ горячо привязанъ къ своей матери и часто упоминаетъ о ея нѣжности и добротѣ къ нему. Душеприказчики, открывая рабочій столъ В. Скота послѣ его похоронъ, нашли тамъ разныя старомодныя вещицы, украшавшія туалетъ его матери, когда онъ ребенкомъ спалъ въ ея уборной: пакетики съ волосами ея умершихъ дѣтей, табакерку ея мужа и разныя вещи въ томъ-же родѣ.

Вотъ что самъ В. Скоттъ пишетъ о своей семьѣ:

«У моихъ родителей было очень много дѣтей—я думаю—не менѣе двѣнадцати; изъ нихъ нѣкоторыя были весьма способны, хотя только пятеро пережили первое дѣтство. Мой старшій братъ Робертъ былъ морякомъ въ королевскомъ флотѣ и принималъ участіе въ большей части битвъ Роднея. Онъ отличался смѣлостью и гордостью и въ его обхожденіи со мною проглядывало капризное самовластіе. Онъ имѣлъ большую склонность къ литературѣ, читалъ стихотворенія со вкусомъ и толкомъ и самъ писалъ стихи, которые весьма пѣнились его товарищами. Робертъ очень пріятно пѣлъ (талантъ, котораго я никогда не выказывалъ), имѣлъ свѣдѣнія по практической механикѣ и, будучи въ хорошемъ расположеніи духа,

умѣлъ отлично разсказывать о своихъ походахъ и о пережитыхъ имъ опасностяхъ. Въ дурномъ расположеніи онъ заставлялъ насъ практически знакомиться съ дисциплиною военнаго корабля и безпощадно дрался.

«Джонъ Скоттъ, мой второй братъ, года на три старше меня, находился въ военной службѣ.

«У меня была только одна сестра Анна, которую судьба избрала какъ бы мишенью для своихъ ударовъ. Дѣтство ея отличалось тѣмъ, что она съ трудомъ спасалась отъ самыхъ необыкновенныхъ случайностей и опасностей. Я помню, какъ калитка въ С. Джорджскомъ сквэрѣ, хлопнувшись отъ вѣтра, едва не раздавила ей руку. Въ другой разъ она едва не утонула въ прудѣ или ямѣ съ водою въ томъ-же сквэрѣ. Но самымъ несчастнымъ случаемъ, происшедшимъ съ нею въ то время, когда ей только-что минуло шесть лѣтъ и, тѣмъ не менѣе, бывшимъ впоследствии причиною ея смерти, было то, что однажды загорѣлся ея чепчикъ. Она находилась одна въ комнатѣ и, раньше чѣмъ могла подоспѣть помощь, ей сильно опалило голову. Послѣ продолжительной и опасной болѣзни она выздоровѣла, но никогда уже не пользовалась больше полнымъ здоровьемъ.

«Въ 1801 г. бѣдная Анна умерла послѣ скоротечной болѣзни. Ея нравъ, какъ и характеръ братьевъ, отличался нѣкоторыми особенностями; она, пожалуй, была даже страннѣе другихъ, вслѣдствіе оказываемой ей снисходительности. Будучи въ сущности любящей и доброй дѣвушкой, не лишенной способностей и нѣжныхъ чувствъ, она жила въ идеальномъ мірѣ, созданномъ ея воображеніемъ. Анна была годомъ моложе меня. За нею слѣдовалъ братъ Томасъ. Послѣдній и самый несчастный изъ нашей семьи былъ мой младшій братъ, Даниль. Отличаясь тѣмъ-же отвращеніемъ къ труду, или лучше сказать, тою-же упорною безпечною, какъ и всѣ мы, онъ не обладалъ ни быстротою ума, могущею замѣнить недостатокъ прилежанія, ни гордостью, заставляющею предпочитать зависимости и пренебреженію самый ненавистный трудъ.

Его жизнь была настолько печальна, насколько этого слѣдовало ожидать при такомъ грустномъ сочетаніи условій: послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ пристроиться, онъ умеръ по возвращеніи изъ Вестъ-Индіи въ 1806 г.

«Перейду теперь къ моей собственной исторіи: Я родился, насколько знаю, 15 августа 1771 г. Я былъ необыкновенно здоровымъ ребенкомъ, но едва не умеръ изъ за того, что первая моя кормилица хворала чахоткою. Ее отослали и взяли другую, здоровую крестьянку, которая до сихъ поръ жива и хвалится тѣмъ, что «ея мальчишечка» сталъ «большимъ бариномъ». Пока мнѣ не минуло полуторыхъ лѣтъ, я выказывалъ всѣ признаки здоровья и силы. Разъ вечеромъ, какъ мнѣ часто впоследствии рассказывали, я ни за что не хотѣлъ даться въ руки тѣмъ, кто долженъ былъ уложить меня въ постель, и все бѣгалъ по комнатѣ; наконецъ меня поймали и съ трудомъ уложили спать. Это былъ послѣдній разъ, когда мнѣ удалось выказать проворство. Утромъ замѣтили, что у меня лихорадка, часто сопровождающая прорѣзываніе коренныхъ зубовъ. Она продолжалась три дня. На четвертый, когда меня, по обыкновенію, стали купать, то увидѣли, что я не владѣю правой ногою... Составили консилиумъ, въ которомъ принялъ участіе мой дѣдъ, прекрасный анатомъ и врачъ, затѣмъ уважаемый покойный Александръ Вудъ и многіе другіе медики. Оказалось, что нѣтъ ни вывиха, ни какого-бы то ни было поврежденія; но напрасно употребляли мушки и иныя наружныя средства. Когда всѣ усилія патентованныхъ врачей безуспѣшно истощились, мои родители въ своемъ безпокойствѣ стали хвататься за всякую надежду излеченія, предлагаемую знахарями или старушками и старичками, считавшими себя въ правѣ рекомендовать различныя средства, изъ которыхъ иныя были довольно страннаго свойства. Но прежде всего послѣдовали совѣту моего дѣда, доктора Рутерфорда, и послали меня въ деревню, чтобы я укрѣпился подъ влияніемъ чистаго воздуха и свободы; и раньше, чѣмъ я началъ жить сознательно, я

принадлежалъ уже къ числу обитателей фермы Санди-Ноэ. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть объ одномъ не совсѣмъ пріятномъ обстоятельстве. Матушка, не желая затруднить семью дѣда уходомъ за мною, послала для этого въ Санди-Ноэ служанку. Но дѣвушка, которой дали это немаловажное порученіе, оставила свое сердце въ Эдинбургѣ—по всей вѣроятности ее обошелъ какой нибудь молодецъ, наобѣщавшій ей больше, нежели намѣревался исполнить. Служанка сильно желала вернуться въ городъ, а такъ какъ матушка взяла ее исключительно для ухода за мною на фермѣ, то она возненавидѣла меня, какъ причину своего пребыванія въ деревнѣ. Я полагаю, что у нея развилось болѣзненное состояніе, потому что она разъ созналась старой экономкѣ, Алисонъ Вильсонъ, что принесла меня на утесы подъ влияніемъ сильнаго искушенія перерѣзать мнѣ тамъ горло ножницами. Алисонъ тотчасъ взяла меня къ себѣ и позаботилась о томъ, чтобы служанка не подвергалась больше подобнымъ искушеніямъ. Ее отослали, и она впоследствии сошла съ ума.

Предисловіе къ шестой пѣсни поэмы «Марміонъ» содержитъ прелестную картину чувствъ ребенка среди обстановки фермы Санди-Ноэ и живописной мѣстности, окружающей развалины Смальгольмской башни:

«Это была неплодная и дикая мѣстность, гдѣ безпорядочно громоздились голыя скалы, но мѣстами между ними видѣлась бархатная зеленая мурава, и одинокій ребенокъ зналъ, гдѣ ютятся цвѣты и вѣется душистая жимолость вдоль трещинъ разрушенныхъ стѣнъ. Я думалъ, что никогда солнце не освѣщало такихъ пѣнистыхъ уголковъ. Мнѣ казалось, что эта разрушенная башня самое великое созданіе человѣческаго могущества... Я съ изумленнымъ восхищеніемъ внималъ чудеснымъ рассказамъ стараго пастуха о древнихъ вождяхъ, которые изъ этой твердыни на борзыхъ коняхъ мчались въ хищническомъ набѣгѣ на югъ, въ далеко синѣющія Тевіотскія горы и, возвращаясь домой, наполняли покои замка весельемъ и шумными играми. Мнѣ казалось, что

подъ разрушенными сводами воротъ все еще раздаются звуки военныхъ трубъ и конскій топотъ, а за ржавыми рѣшетками бойницъ чудились суровыя лица, испещренные шрамами... И около зимняго очага я также слышала рассказы то грустные, то веселые»... Эти рассказы восторженный мальчикъ переживалъ всѣмъ своимъ существомъ. Самыя теплыя строки посвящены воспоминаніямъ о любимомъ дѣдѣ и его друзьяхъ, всегда бывшихъ снисходительными и ласковыми съ шаловливымъ и балованнымъ ребенкомъ. «До настоящаго времени (1836)», продолжаетъ въ своей автобіографіи В. Скоттъ: «со мной живутъ въ сосѣдствѣ двѣ старухи, находившіяся въ услуженіи въ Санди Ноэ, когда былъ привезенъ туда большой двухлѣтній ребенокъ. Одна изъ нихъ, Гибби Гентеръ, хорошо помнитъ его пріѣздъ и то, что онъ «былъ милый, добронравный мальчикъ и любимецъ всѣхъ въ домѣ». «Молодая доильщица овецъ съ радостью», рассказываетъ она, «носили его на спинѣ по скаламъ; онъ былъ очень смѣтливъ и скоро зналъ каждую овцу и ягненка не хуже, чѣмъ скотницы». — Но самое большое удовольствіе испытывалъ мальчикъ въ обществѣ стараго пастуха, Санди Ормистона, о которомъ упоминается въ названномъ выше предисловіи къ шестой пѣснѣ поэмы Марміонъ. Если ребенокъ встрѣчалъ Санди утромъ, то не отставалъ отъ него, пока тотъ не сажалъ его на плечо и не уносилъ съ собою; пастухъ лежа наблюдалъ за ввѣреннымъ ему стадомъ и ребенокъ сидѣлъ возлѣ него.

Пастухъ на рожкѣ подавалъ особенный сигналъ служанкамъ, находившимся въ фермѣ, стоявшей у подножія холмовъ, когда ребенокъ выражалъ желаніе вернуться домой. Поэтъ впоследствии говорилъ своему другу, мистеру Скину, съ которымъ провелъ лѣтній день среди хорошо памятныхъ ему скалъ, что ему доставляло наслажденіе цѣлый день валяться на травѣ среди стада и что «этотъ родъ товарищества, заключеннаго имъ такимъ образомъ съ овцами и ягнятами, заставилъ его полюбить ихъ на всю жизнь». Рассказываютъ, что его однажды

забыли на холмѣ, когда вдругъ собралась гроза; тутъ только тетка вспомнила о немъ и бѣгомъ отправилась его отыскивать; она нашла его лежащимъ на спинѣ, онъ хлопалъ въ ладоши и при каждомъ появленіи молніи кричалъ: «славно, славно!»

«Здѣсь, въ Санди-Ноэ» говорится далѣе въ автобіографіи: «въ домѣ моего дѣда мнѣ пришлось испытать первыя сознательныя впечатлѣнія жизни — и я отчетливо помню себя въ довольно причудливомъ видѣ и положеніи. Въ числѣ средствъ, къ которымъ прибѣгали для излеченія моей хромоты, кто-то посоветовалъ, чтобы всякій разъ, когда заколать овцу для домашняго употребленія, меня, раздѣтаго до-нага, пеленали въ шкуру, еще неостывшую послѣ того, какъ ее сняли съ животнаго. Хорошо помню, какъ я въ этомъ татарскомъ одѣяніи лежалъ на полу маленькой гостиницы фермы, между тѣмъ какъ мой дѣдъ, почтенный старикъ съ бѣлыми волосами, употреблялъ всевозможныя средства, чтобы заставить меня ползать. Припоминаю также какъ покойный сэръ Дж. Макъ Дугаль изъ Макерстоуна помогать ему въ его попыткахъ. Онъ, Богъ его знаетъ какъ, приходился намъ съ родни, и я до сихъ поръ точно вижу его и его старомодный военный костюмъ отставного полковника: на немъ была маленькая треугольная шляпа, украшенная галунами, вышитый красный жилетъ и свѣтлый сюртукъ; сѣдые волосы его были собраны въ косу на военный ладъ; онъ стоялъ передо мною на колѣняхъ и волочилъ по ковру часы, стараясь вызвать во мнѣ желаніе ползти за ними. Добродушный старый воинъ и ребенокъ, завернутый въ овечью шкуру, вѣроятно представляли странное зрѣлище для посторонняго зрителя. Это происходило повидимому въ то время, когда мнѣ шелъ третій годъ.

Моя бабушка нѣсколько лѣтъ продолжала управлять фермою при помощи второго брата моего отца, мистера Томаса Скотта, жившаго въ Кремингъ, въ качествѣ управляющаго этимъ помѣстьемъ, принадлежавшимъ мистеру

Скотту изъ Данесфильда. Это было въ самый разгаръ войны за американскую независимость, и я помню, что съ нетерпѣніемъ ожидалъ еженедѣльнаго прѣзда дяди (мы иначе не получали никакихъ новостей), чтобы услышать о пораженіи Вашингтона, точно я имѣлъ личную и серьезную причину питать къ нему недоброжелательство, не знаю—почему, но это стояло у меня въ какой-то связи съ горячею симпатіею къ фамиліи Стюартовъ, возбужденною во мнѣ первоначально пѣснями и разсказами яковитовъ. Мое политическое настроеніе сильно поддерживалось тѣмъ, что въ моемъ присутствіи говорили о жестокости казней въ Карлайлѣ и Горной Шотландіи послѣ битвы при Буллоденѣ. Нѣкоторые наши дальніе родственники тогда погибли, и я помню, что питалъ за это къ герцогу Кумберландскому недѣтскую ненависть. Мистеръ Курль, фермеръ въ Гетбюри, мужъ одной изъ моихъ тетокъ, присутствовалъ при ихъ казни; вѣроятно отъ него я впервые услышалъ эти трагическіе разсказы, произведшіе на меня столь сильное впечатлѣніе. Мѣстные свѣдѣнія, которыя вѣроятно повліяли на образованіе моего будущаго вкуса и на выборъ занятій, я заимствовалъ изъ старыхъ пѣсенъ и разсказовъ, составлявшихъ развлеченіе уединенно жившей въ деревнѣ семьи».

В. Скотту было около четырехъ лѣтъ, когда его свезли на воды въ Батъ, надѣясь излечить его хромоту. Здоровье его въ общемъ было хорошо, жизнь въ деревнѣ сдѣлала свое дѣло: онъ отлично бѣгалъ, несмотря на свою хромоту, лазалъ по горамъ и катался на пони, на котораго садился безъ посторонней помощи; прибавимъ, что пони былъ не выше ньюфаундлендской собаки. По дорогѣ въ Батъ заѣхали въ Лондонъ, и поэтъ упоминаетъ, что когда черезъ 25 лѣтъ онъ снова посѣтилъ Лондонскую башню и Вѣстминстерское аббатство, то удивился, насколько точны были его воспоминанія о нихъ. «Съ тѣхъ поръ я сталъ гораздо болѣе довѣрять воспоминаніямъ своего дѣтства», прибавляетъ онъ. Батъ мало принесъ пользы его здоровью. Здѣсь онъ выучился читать въ не-

большой школѣ подѣ руководствомъ одной старой дамы. Иногда ему давала уроки жившая съ нимъ тетка. «Впоследствии, пишетъ В. Скоттъ: я взялъ нѣсколько уроковъ чтенія у мистера Стокера изъ Эдинбурга и у пастора Клива. Но я не приобрѣлъ правильного произношенія и вообще остался дурнымъ чтецомъ .

Одно изъ самыхъ сильныхъ впечатлѣннй, пережитыхъ здѣсь В. Скоттомъ, было первое посѣщеніе имъ театра—давали комедію Шекспира «Какъ вамъ угодно». Онъ подробно описываетъ это въ «Очеркѣ жизни актера Кембля».

Изъ Бата мальчика перевезли сначала въ Эдинбургъ, а затѣмъ снова въ Санди-Ноэ. Во время пребыванія въ Эдинбургѣ шестилѣтняго В. Скота видѣла пріятельница его матери, мистрисъ Кокбурнъ; она описываетъ его, какъ самого геніальнаго ребенка, каковаго ей когда-либо приходилось видѣть: «онъ читалъ своей матери вслухъ стихи, когда я вошла. Я просила его продолжать—это было описаніе кораблекрушенія. Его волненіе росло вмѣстѣ съ грозой. «Матча упала!» восклицалъ онъ: «вотъ ее унесло водою... они всѣ погибнутъ!..» Весь взволнованный, онъ обращается ко мнѣ, говоря: «это слишкомъ печально, я лучше прочитаю вамъ что нибудь повеселѣе».—По уходѣ дамы онъ сказалъ теткѣ, что мистрисъ Кокбурнъ, которая о многомъ разговаривала съ нимъ, ему очень понравилась, потому что она такой-же «виртуозъ», какъ онъ самъ. «Милый Вальтеръ, отвѣчала тетка: что такое «виртуозъ?» — «Развѣ вы не знаете? это человѣкъ, который желаетъ все знать».

Изъ Санди-Ноэ, гдѣ ребенокъ пробылъ лѣто, тетка на нѣсколько недѣль взяла его въ Престонпансъ, мѣстечко на берегу моря. Надѣялись, что морскія купанья излечатъ его хромоту. Здѣсь онъ познакомился съ старымъ отставнымъ военнымъ, по имени Дальгетти, который, найдя въ ребенкѣ прилежнаго слушателя, безъ конца рассказывалъ ему о германскихъ войнахъ. Старикъ и ребенокъ также часто говорили объ американской войнѣ и наконецъ почти разсорились, благодаря своему разногласію въ по-

литическомъ отношеніи. Въ Престонпансѣ жилъ также мистеръ Джорджъ Констэбл, старый другъ отца В. Скотта.

Джорджъ Констэбл первый познакомиль В. Скотта съ типами Шекспира, между прочимъ съ Фальстафомъ, и Готспуромъ. «Не знаю, какого рода представленія я тогда составилъ себѣ о нихъ», говоритъ В. Скоттъ,» но, вѣроятно, они вызвали во мнѣ извѣстнаго рода идеи, потому что я интересовался ими. Вообще, я думаю, что дѣти получаютъ сильныя импульсы къ умственной дѣятельности, слыша вещи, которыя они не вполне ясно понимаютъ, и поэтому писать, поддѣлываясь подъ понятія дѣтей, весьма ошибочно—указывайте имъ только путь и пусть они сами добиваются остального». В. Скоттъ всю жизнь помнилъ ѣдко-юмористическіе рассказы Джорджа Констэбла о 1745 г., но это относится уже къ болѣе позднему времени.

Переѣздомъ изъ Престонпанса въ родительскій домъ закончился періодъ перваго дѣтства В. Скотта. Въ его жизни вообще произошла теперь довольно тяжелая перемѣна. Онъ былъ ласковъ, послушенъ и необыкновенно мягокъ съ тѣми, кого любилъ, но съ нимъ случались и такія вещи. Однажды его родственникъ Рэбернъ свернулъ шею его любимому скворцу, котораго ребенку удалось на половину приручить. «Я вцѣпился ему въ горло не хуже дикой кошки», говоритъ поэтъ въ своемъ дневникѣ чрезъ 50 лѣтъ послушая смерти Рэберна, «такъ что меня насилу оторвали отъ него». И судя потому, что онъ дальше пишетъ, видно, что онъ и въ то время не вполне простилъ своего обидчика. Съ тѣми, кого В. Скоттъ любилъ и передъ кѣмъ былъ виноватъ, онъ поступалъ иначе. «Я рѣдко», говоритъ одинъ изъ его учителей, мистеръ Митчелъ, «имѣлъ случай за время своего пребыванія въ семействѣ обвинить его въ чемъ либо, даже въ пустякахъ, и только разъ погрозилъ ему строгимъ наказаніемъ; но онъ тотчасъ же вскочилъ, бросился мнѣ на шею и началъ цѣловать меня». Добрый старый джентльменъ прибавляетъ къ этому разсказу слѣдующій комментарий: «та-

кимъ великодушнымъ и благороднымъ поведеніемъ мое недовольство моментально было превращено въ уваженіе и восхищеніе; моя душа наполнилась нѣжностью, и я готовъ былъ смѣшать мои слезы съ его слезами». — Не слѣдуетъ думать однако, что ребенокъ не имѣлъ характера. Когда онъ перешелъ въ семью, гдѣ было много дѣтей и гдѣ его не баловали, какъ у дѣда, онъ сумѣлъ найтись въ новыхъ условіяхъ. Но тѣмъ не менѣе ему жилось тяжело среди капризныхъ и своевольныхъ братьевъ, которые часто обижали его. Большой поддержкою была для него нѣжная любовь матери. Семья отличалась большою религіозностью, пресвитеріанское воскресенье праздновали въ ней съ необычайной строгостью: въ этотъ день читались только духовныя книги и выслушивались длинныя и сухія проповѣди. Умнаго, живого мальчика это страшно утомляло. Втеченіе недѣли время посвящалось болѣе пріятнымъ занятіямъ. Мать его, будучи образованною женщиною, любила литературу и они вмѣстѣ много читали.

Въ 1778 году В. Скоттъ поступилъ въ Эдинбургскую высшую школу. Онъ былъ не особенно хорошо подготовленъ и не отличался усидчивостью въ занятіяхъ. Мальчики занимали тамъ мѣста на скамьяхъ, сообразно своимъ успѣхамъ. Что касается В. Скотта, то вотъ что онъ говоритъ о себѣ: «я перелеталъ, какъ метеоръ, съ одного конца класса на другой и приводилъ въ негодованіе добраго учителя легкомысліемъ и небрежностью, хотя по временамъ заслуживалъ его одобреніе проблесками ума и таланта». Товарищи любили его — онъ всегда имъ помогалъ, а въ скучные зимніе дни неумоимо рассказывалъ разныя исторіи и вообще игралъ болѣе важную роль внѣ класса, чѣмъ во время урока. Дома у В. Скотта и его братьевъ былъ учитель, уже упомянутый мистеръ Митчель. Съ нимъ Вальтеръ вступалъ въ безконечныя политическія споры по поводу историческихъ лицъ; онъ терпѣть не могъ пресвитеріанцевъ и восхищался Монтрозомъ и его побѣдоносными шотландскими горцами, а Мистеръ Митчель уважалъ пресвитеріанскаго Улисса,

мрачнаго и хитраго Аргайля.—Вальтеръ тогда уже былъ торіемъ и остался имъ на всю жизнь. Черезъ три года по поступленіи въ школу мальчикъ перешелъ подъ руководство новаго учителя, самого ректора, мистера Адама. Отъ этого почтеннаго человѣка онъ впервые научился цѣнить знанія, между тѣмъ какъ до сихъ поръ относился къ приобрѣтенію ихъ, какъ къ чему-то тяжелому и непріятному. Онъ два года изучалъ латинскихъ авторовъ, былъ очень польщенъ, когда ректоръ одобрилъ его успѣхи, и самъ началъ пробовать переводить стихами Горация и Виргилія, хотя никогда впослѣдствіи не былъ выдающимся латинистомъ. Мальчикъ видѣлъ, что отъ него ожидаютъ всего хорошаго, и считалъ, что долженъ оправдать мнѣніе любимаго и уважаемаго преподавателя. По словамъ товарища В. Скотта, Ирвинга, докторъ Адамъ постоянно ссылался на Вальтера, когда нужно было привести какой-нибудь годъ или историческое событіе, упоминаемое въ читаемыхъ учениками классикахъ, и называлъ его историкомъ своего класса. В. Скоттъ съ любовью вспоминаетъ о докторѣ Адамѣ въ своей автобіографіи. «Добрый старикъ чрезвычайно гордился успѣхами своихъ учениковъ въ жизни и постоянно (большею частью совершенно справедливо) указывалъ на нихъ, какъ на свое созданіе или, по крайней мѣрѣ, какъ на плоды своего преподаванія. Онъ помнилъ судьбу каждаго мальчика, бывшаго въ школѣ втеченіе его пятидесятилѣтняго управленія ею, и всегда приписывалъ ихъ успѣхи или неудачи въ жизни ихъ вниманію или небрежности къ школьнымъ занятіямъ. Его «шумное жилище», которое для другого походило-бы на домъ умалишенныхъ, было его гордостью; когда онъ утомлялся отъ шума и бѣготни, отъ необходимости просматривать задачи, выслушивать уроки и въ то же время поддерживать извѣстный порядокъ въ классѣ, то утѣшался, сравнивая себя съ Цезаремъ, который сразу могъ диктовать тремъ секретарямъ....

«Какъ жаль, что такой ученый человѣкъ, вполне приспособленный къ занимаемому мѣсту, такой полезный и

простосердечный человекъ, умѣвшій довольствоваться столь малымъ, долженъ былъ подвергнуться тяжелымъ неприятностямъ. Но Эдинбургскія власти, не зная какимъ сокровищемъ они обладаютъ въ докторѣ Адамѣ, допустили необузданнаго малаго, одного изъ младшихъ учителей, по имени Никола, нанести оскорбленіе почтенному ректору... Николь былъ хорошій классикъ и полный юмора собутыльникъ (что заслужило ему дружбу Бернса), но въ то же время безпутный пьяница, безчеловѣчно-жестокій съ учениками. Вражда къ ректору довела его почти до убійства: онъ подстерегъ почтеннаго старика въ темнотѣ и избилъ его. Покровительство, оказанное городскимъ совѣтомъ этому недостойному сопернику, повело къ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ, которыя на время омрачили счастье и добрую славу бѣднаго Адама. Когда началась французская революція и въ Англии партіи стали горячо спорить за или противъ нея, докторъ Адамъ неосторожно присоединился къ сторонникамъ революціи. Это было весьма естественно, такъ какъ все понятія Адама о существующихъ правительствахъ основывались на его знакомствѣ съ дѣятельностью эдинбургскаго городского совѣта, а его едвали можно было сравнивать съ свободными государствами Рима и Греціи, откуда Адамъ черпалъ свои взгляды относительно республикъ. Недостатокъ осторожности въ разговорахъ по поводу современныхъ политическихъ событій лишилъ старика уваженія учениковъ, большинство которыхъ привыкло слышать совершенно другого рода мнѣнія въ своихъ семьяхъ. Все это (происходившее уже гораздо позднеѣ моего выхода изъ школы) прошло также, какъ утихли и другія волненія того времени, и докторъ Адамъ продолжалъ свои педагогическіе труды до прошлаго года, когда его разбилъ параличъ во время преподаванія въ классѣ. Онъ прожилъ еще нѣсколько дней; въ бреду передъ смертью онъ представлялъ себѣ, что находится въ классѣ, разговаривалъ съ учениками и наконецъ сказалъ: «но темнѣтъ... мальчики могутъ идти!», послѣ чего умеръ».

Здоровье В. Скотта опять ослабло, и отецъ позволилъ ему провести полгода въ Кельзо у доброй его тетки миссъ Джанетты Скоттъ. Здѣсь онъ совершенно располагалъ своимъ временемъ, за исключеніемъ четырехъ часовъ въ день, которые проводилъ въ школѣ, продолжая занятія латынью съ учителемъ, мистеромъ Ланселотомъ Велемъ. Учитель, которому надобли вокабулы и Корнелій Непотъ, охотно читалъ съ Вальтеромъ Тацита и не жалѣлъ для способнаго ученика ни трудовъ, ни времени. Что касается Вальтера, то онъ съ своей стороны помогалъ учителю, спрашивалъ уроки въ младшихъ классахъ и на публичномъ экзаменѣ произнесъ рѣчь Галгака, произведшую тѣмъ большее впечатлѣніе, что мало кто изъ слушателей могъ понять хоть слово изъ нея.

«Между тѣмъ», рассказываетъ дальше В. Скоттъ въ своей автобіографіи: «мое знакомство съ англійскою литературой постепенно расширялось. Въ часы, свободные отъ школьныхъ занятій, я и прежде жадно читалъ попадавшіяся мнѣ въ руки книги по исторіи, поэзи, путешествіямъ—не забывая обычную или, лучше сказать, въ десять разъ большую долю сказокъ, восточныхъ легендъ, романовъ и такъ далѣе...

«Это чтеніе было совершенно неправильное, никто въ немъ не руководилъ мною.

«Мой репетиторъ считалъ почти грѣхомъ открыть какуюнибудь свѣтскую книгу, драму или поэму, а моя мать, помимо того, что учитель могъ и ее убѣдить въ грѣховности подобнаго занятія, не имѣла времени слушать по старому моему чтенію вслухъ. Я однако нашелъ въ ея уборной (гдѣ одно время спалъ) нѣсколько разрозненныхъ томовъ Шекспира и не могу забыть восторга, который испытывалъ, читая ихъ у топящагося камина; я сидѣлъ около него полуодѣтый, пока снизу не раздавался шумъ отодвигаемыхъ стульевъ, возвѣщавшій, что встаютъ изъ-за ужина, и дававшій мнѣ знать, что пора лечь въ постель, въ которой я долженъ былъ мирно почивать уже съ 9 часовъ. Случай однако свелъ меня

съ наставникомъ, обладавшимъ поэтическимъ чувствомъ. Это былъ никто иной, какъ почтенный и добрый докторъ Блаклокъ, хорошо извѣстный въ то время литераторъ. Не знаю, какъ я привлекъ его вниманіе и расположеніе нѣсколькихъ молодыхъ людей, жившихъ у него, но случилось такъ, что меня часто и охотно принимали въ его домѣ. Добрый старикъ разрѣшилъ мнѣ доступъ въ свою бібліотеку и по его совѣту я прочелъ Оссіана и Спенсера. Оба привели меня въ восторгъ, въ особенности послѣдній. Постоянныя повторенія и вычурно фантастическая фразеологія Оссіана надоѣли мнѣ раньше, чѣмъ это можно было ожидать въ мой возрастъ. Но Спенсера я могъ читать безъ конца. Я былъ слишкомъ молодъ, чтобы вникать въ аллегорическій смыслъ его созданій; я принималъ рыцарей, дамъ, пигмеевъ и великановъ въ ихъ внѣшнемъ, общемъ смыслѣ и богъ-знаетъ какъ восхищался, находясь въ ихъ обществѣ. Я всегда обладалъ способностью запоминать всякіе нравившіеся мнѣ стихи, и потому очень многое зналъ наизусть изъ Спенсера. Впрочемъ память моя была чрезвычайно капризна втеченіе всей моей жизни, и я могъ бы повторить слова стараго Битти изъ Микльделя, сказанныя почтенному пастору, хвалившему его способность запомнанья: «Нѣтъ, сэръ, замѣтилъ старый порубежникъ: я не могу повѣловать своей памяти. Въ ней остается только то, что ей нравится и, по всей вѣроятности, сэръ, если бы вы даже два часа сряду читали мнѣ проповѣди, я былъ бы не въ состояніи запомнить ни одного слова изъ нихъ». Моя память была точь-въ-точь такого-же рода: рѣдко случалось, чтобы въ ней не сохранились любимые мною поэтическіе отрывки, театральныя куплеты, а главное порубежныя баллады. Но историческія имена, хронологія и другія техническія подробности исторіи позабывались мною самымъ грустнымъ образомъ. Философія, исторія также не существовала для меня въ этотъ періодъ моей жизни; но постепенно въ моей головѣ накоплялось много интересныхъ и художественныхъ историческихъ

фактовъ, такъ что, когда въ болѣе зрѣломъ возрастѣ я началъ дѣлать обобщенія, то обладалъ значительнымъ матеріаломъ для поясненія моихъ выводовъ. Я вышелъ изъ школы съ большимъ запасомъ общихъ свѣдѣній, конечно безпорядочныхъ, и собранныхъ безъ всякой системы, но твердо запечатлѣвшихся въ моемъ умѣ и приведенныхъ въ известную художественную связь памятью и живымъ воображеніемъ. Если моимъ занятіямъ недоставало руководства и системы въ Единбургѣ, то понятно, что въ деревнѣ я былъ уже совершенно предоставленъ только самому себѣ. Почтенная старинная бібліотека для чтенія и небольшое количество книгъ у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ были къ моимъ услугамъ, и я принялся за чтеніе, какъ слѣпецъ ищетъ дороги—ощупью. Мой аппетитъ къ книгамъ былъ великъ, неразборчивъ и неутомимъ; въ послѣдствіи я слишкомъ часто имѣлъ причины раскаяваться, что читалъ такъ много и съ такой незначительной пользой. Въ числѣ цѣнныхъ духовныхъ приобрѣтеній моихъ въ то время было знакомство съ «Освобожденнымъ Іерусалимомъ» Тасса, по неудовлетворительному переводу Гуля.

«Но важнѣе всего то, что я тогда впервые познакомился съ «Памятниками древней поэзіи» епископа Перси.

«Такъ какъ я съ дѣтства любилъ подобнаго рода произведенія и только противъ воли отвлекался отъ ихъ изученія, вслѣдствіе бѣдности и грубости матеріала, которымъ обладалъ, то можно себѣ представить неописанный восторгъ мой, когда я увидѣлъ, что пѣсни и баллады, подобныя тѣмъ, которыя забавляли меня въ дѣтствѣ и все еще втихомолку жили въ моемъ воображеніи, считаются предметомъ, достойнымъ серьезнаго изслѣдованія, ученыхъ комментаріевъ и талантливыхъ объясненій издателя, доказавшаго, что его поэтическій талантъ можетъ соперничать съ лучшими изъ произведеній, сохраненныхъ имъ отъ забвенія. Я отлично помню мѣсто, гдѣ читалъ эти книги въ первый разъ. Это происходило подъ огромнымъ кленомъ среди развалинъ того, что должно было быть

старинной бесѣдкой въ саду, о которомъ я упоминалъ. Лѣтній день прошелъ такъ скоро, что, не смотря на мой здоровый аппетитъ тринадцати-лѣтняго мальчика, я забылъ обѣденный часъ; меня искали съ безпокойствомъ и нашли погруженнымъ въ духовную трапезу.

«Читать и запоминать было въ этомъ случаѣ для меня одно и то-же—поэтому я поражалъ моихъ школьныхъ товарищей и всѣхъ, кто хотѣлъ меня слушать, трагическими отрывками изъ балладъ епископа Перси. Кроме того, какъ только я былъ въ состоянii скопить нѣскольکو шиллинговъ, что со мною не часто случалось, я купилъ себѣ экземпляръ этой любимой мною книги; не помню, чтобы я вообще какую бы то ни было книгу читалъ такъ часто и съ такимъ восторгомъ. Около этого же времени мнѣ пришлось познакомиться съ сочиненiями Ричардсона, Мэкензи (съ которымъ впоследствии у меня установились дружескія отношенiя), Фильдингга, Смоллета и нѣкоторыхъ другихъ лучшихъ нашихъ романистовъ.

«Въ этомъ же періодѣ моей жизни пробудилась во мнѣ способность наслаждаться красотами природы, никогда впоследствии не покидавшая меня...

«Романтическія чувства, господствовавшiя въ моей душѣ, вызывались и поддерживались величественными чертами окружавшей меня природы; а историческія происшествiя или преданiя и легенды, связанныя съ ними, придавали моему восхищенiю оттънокъ уваженiя, заставлявшiй мое сердце горячѣе биться. Съ этого времени любовь къ красотамъ природы, особенно въ связи съ древними развалинами и памятниками набожности или роскоши нашихъ предковъ, сдѣлалась у меня ненасытною страстью—и, еслибы обстоятельства позволили, я охотно извѣздилъ бы полъ-вселенной для ея удовлетворенiя.

Я долженъ былъ вернуться въ Эдинбургъ къ открытію курса въ коллегіи и прямо поступилъ въ классъ словесности мистера Гилля и греческій классъ мистера Дальзели. У перваго классная дисциплина была весьма слаба; студенты очень любили его—такъ какъ онъ былъ

очень добродушный человекъ и серьезный ученый—но онъ не обладалъ способностью возбуждать нашу любознательность. Было опасно поручать такому человеку юношу, столь мало расположеннаго къ труду, какъ я; среди беспорядковъ его класса я скоро позабылъ многое изъ того, чему научился у Адама и Веля. Дѣло могло бы идти лучше въ греческомъ классѣ, такъ какъ профессоръ Дальзель умѣлъ поддерживать свой авторитетъ, самъ былъ замѣчательный ученый и глубоко интересовался успѣхами своихъ учениковъ.

«Но вотъ въ чемъ была бѣда: почти все мои товарищи, кончившіе курсъ высшей школы вмѣстѣ со мною, подучились немного по гречески до поступления въ университетъ, а я, увы, ничего не зналъ; видя, что мои лингвистическія свѣдѣнія ниже познанія товарищей, я вздумалъ завоевать себѣ равенство съ ними, выражая полное презрѣніе къ греческому языку и высказывая твердое намѣреніе не изучать его. Одинъ юноша, самъ отлично учившійся по гречески, отнесся не съ пренебреженіемъ, а съ сожалѣніемъ къ моей глупости. Онъ пришелъ ко мнѣ на домъ и серьезно указывать на вздорность моего поведенія; при этомъ онъ сказалъ, что товарищи дали мнѣ прозвище «греческаго олуха», и убѣждалъ меня поправить дѣло, пока еще не поздно. Упрямая гордость заставила меня принять его совѣтъ съ надутой вѣжливостью; въ своей ограниченности я считалъ, что происхожденіе моего ментора (его звали Арчибальдомъ и онъ былъ сынъ трактирщика) не даетъ ему права навязывать мнѣ свои совѣты. Арчибальдъ былъ не особенно проницателенъ, или-же добрыя намѣренія заставили его сознательно превозмочь неудовольствіе, которое мой пріемъ необходимо долженъ былъ въ немъ вызвать, но онъ предложилъ заниматься со мною днемъ и ночью и ручался за то, что при его помощи я сравняюсь съ лучшими студентами. Я на минуту почувствовалъ какъ бы угрызенія совѣсти, но они не были въ состояніи преодолѣть мою гордость и самомнѣніе. Бѣдъ

ный юноша ушелъ отъ меня скорѣе опечаленный, чѣмъ разсерженный, и мы никогда болѣе не вступали ни въ какія сношенія другъ съ другомъ.

«Всякая надежда на успѣхъ въ греческомъ языкѣ теперь исчезла для меня; когда насъ заставили писать сочиненія объ изучаемыхъ нами авторахъ, я имѣлъ смѣлость представить работу, гдѣ сравнилъ Гомера съ Аріостомъ, которому и отдалъ предпочтеніе. Я пытался доказать эту ересь при помощи легкомысленныхъ аргументовъ и ссылокъ на множество безъ толку прочитанныхъ книгъ. Этимъ я возбудилъ величайшій гнѣвъ профессора, который въ то же время не могъ скрыть своего удивленія по поводу моихъ значительныхъ, хотя и беспорядочныхъ свѣдѣній. Онъ произнесъ мнѣ строгій приговоръ: что олухомъ я былъ и олухомъ останусь.

«Впрочемъ мой добрѣйшій и ученый другъ въ послѣдствіи отказался отъ этого мнѣнія за бутылкой бургонскаго въ нашемъ литературномъ клубѣ, однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ членовъ котораго онъ былъ. Какъ бы для того, чтобы уничтожить послѣднія познанія мои въ греческомъ языкѣ, я заболѣлъ въ половинѣ полугодія и снова перебрался въ Кельзо, гдѣ опять долгое время читалъ какъ и что хотѣлъ—а не читалъ я, конечно, ничего, кромѣ того, что мнѣ непосредственно доставляло удовольствіе. Единственная вещь, спасшая мою голову отъ полнаго запустѣнія, была любовь къ историческимъ изслѣдованіямъ, никогда не покидавшая меня даже въ этотъ періодъ умственной лѣни.

«Я забросилъ также латинскихъ классиковъ—не знаю собственно по какой причинѣ, можетъ быть потому что они были сродни греческимъ; случайно прочитанныя исторіи Бьюканана, Матвѣя Парижскаго и другія монашескія лѣтописи поддержали мое знакомство съ латинскимъ языкомъ, хотя бы и въ грубѣйшей его формѣ. Но я забылъ даже греческую азбуку,—невознаградимая потеря въ виду того, что представляетъ изъ себя этотъ языкъ и чѣмъ были авторы, писавшіе на немъ».

Около этого времени отецъ В. Скотта позаботился о томъ, чтобы онъ началъ изучать математику; молодой Вальтеръ охотно взялся за нее, но обстоятельства сложились такъ, что и въ этомъ случаѣ онъ приобрѣлъ только поверхностныя свѣдѣнія. Въ другихъ наукахъ дѣло шло лучше. Онъ съ успѣхомъ изучалъ этику, нравственную философію, исторію, а также гражданское право и муниципальные законы. Вспоминая въ своей автобіографіи о своихъ пробѣлахъ въ научномъ отношеніи, В. Скоттъ говоритъ между прочимъ, слѣдующее: «Если мои знанія впоследствии оказались незначительными и неосновательными, то читатель долженъ извинить лѣниваго работника, который долженъ былъ строить на такомъ шаткомъ фундаментѣ. Если-же эти строки когда либо попадутся на глаза юношеству—то пусть такіе читатели запомнятъ, что я съ величайшимъ сожалѣніемъ въ зрѣлыя годы вспоминаю о томъ, что въ юности пренебрегъ возможностью приобрести знаніе; что втеченіе всей моей литературной карьеры я былъ стѣсненъ собственнымъ невѣжествомъ и что въ настоящую минуту я отдалъ бы половину доставшейся на мою долю извѣстности за возможность основать вторую половину на твердомъ фундаментѣ научнаго знанія».

Въ 1785—86 году отецъ В. Скотта взялъ его въ свою контору для того, чтобы онъ въ установленномъ порядкѣ могъ изучить обязанности стряпчаго. Въ то время однако мистеръ Скоттъ еще не рѣшилъ, чѣмъ будетъ его сынъ, стряпчимъ или адвокатомъ. Молодой Вальтеръ не особенно лѣнился, а порою работалъ даже съ необычайною энергіей. Читалъ онъ очень много и попрежнему питалъ пристрастіе къ тому, что отличалось романтическимъ характеромъ. Если повѣсть относилась къ современному быту, то, благодаря уже достаточно развитому вкусу, Вальтеръ интересовался только произведеніями лучшихъ авторовъ; но если сюжетъ касался рыцарства, то юноша поглощалъ все, безъ особеннаго разбора, и вскорѣ началъ самъ подражать подоб-

нымъ сочиненіямъ. У него былъ въ это время пріятель, Дж. Ирвингъ, съ которымъ онъ часто гулялъ; во время этихъ прогулокъ они рассказывали другъ другу собственные романтическія измышленія, гдѣ преобладало воинственное и чудесное. Нужно прибавить, что В. Скоттъ уже до 10-лѣтняго возраста собралъ столько старинныхъ рассказовъ и пѣсенъ, что изъ нихъ составилось нѣсколько тетрадей; онѣ до настоящаго времени сохраняются въ Абботсфордѣ и всѣ писаны ребяческимъ почеркомъ.— Прочитавъ переводъ Тасса и Аріоста, сдѣланный Гулемъ, и узнавъ, что на итальянскомъ языкѣ существуетъ богатое собраніе романтическихъ произведеній, Вальтеръ изучилъ итальянскій языкъ, какъ передъ этимъ съ тою же цѣлью освѣжилъ свои познанія во французскомъ. Позднѣе онъ изучилъ также испанскій и нѣмецкій языки, хотя не могъ свободно говорить ни на одномъ изъ нихъ. Въ то же время онъ не переставалъ расширять свои свѣдѣнія по древней отечественной исторіи.

Къ этому періоду его жизни относится встрѣча В. Скотта съ поэтомъ Бернсомъ. Ему было всего 15 лѣтъ, но онъ уже понималъ поэтическую цѣнность таланта Бернса, который лично также произвелъ на него сильное впечатлѣніе своею скромностью и въ то же время опредѣленностью взглядовъ, выраженныхъ безъ всякой рисовки или самонадѣянности. Втеченіе второго года пребыванія В. Скотта въ отцовской конторѣ онъ заболѣлъ кровотеченіемъ изъ легкихъ. Его уложили въ постель и запретили двигаться и говорить. Онъ проводилъ все время за игрою въ шахматы, чтеніемъ своихъ любимыхъ авторовъ и изученіемъ исторіи, преимущественно въ связи съ военными событіями. Когда ему хотѣлось представить себѣ наглядно встрѣчу двухъ армій, онъ разставлялъ раковинки, сѣмена растений и камешки. Пріятель-столяръ устроилъ ему модель крѣпости. Съ такими приспособленіями онъ прочелъ исторію Мальтійскихъ рыцарей, и исторію Индустана снабженную прекрасными планами. Въ другое время онъ, при помощи искусно располо-

женныхъ зеркаль слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось на улицѣ, какъ солдаты шли на ученье и тому подобное.

Здоровье его послѣ одного или двухъ кровотеченій стало поправляться, но въ юношѣ развилась нерѣшительность и нервность, чего прежде не было, а также обидчивость и меланхолическое настроеніе. Все это онъ самъ приписывалъ частымъ кровопусканіямъ и растительной діетѣ, которыми его старались излечить отъ болѣзни. Со временемъ однако это состояніе прошло, и В. Скоттъ всю жизнь пользовался завиднымъ здоровьемъ.

Какъ только юноша вполне оправился отъ своей болѣзни, онъ принялся много гулять и ѣздить верхомъ. Онъ также иногда отправлялся съ товарищами въ горную Шотландію и посѣщалъ тамъ клиентовъ своего отца. Между ними былъ старикъ Александръ Стюартъ изъ Инвергайля, который много рассказывалъ будущему романисту о томъ, что происходило во время возстанія 1715—1745 г.— Большимъ горемъ для В. Скотта было неумѣнье рисовать—ему хотѣлось бы во время своихъ экскурсій дѣлать эскизы мѣстностей, но рисованіе ему не давалось и онъ замѣнялъ недостающіе ему эскизы тѣмъ, что бралъ на память вѣтки деревьевъ изъ осматриваемыхъ живописныхъ уголковъ... Съ музыкой дѣло шло у него еще хуже, чѣмъ съ рисованіемъ... Въ другихъ отношеніяхъ онъ однако началъ пополнять пробѣлы своего неправильнаго воспитанія. Единбургскіе студенты составляли такъ называемыя «Литературныя общества», гдѣ занимались разсмотрѣніемъ литературныхъ, философскихъ и научныхъ вопросовъ. В. Скоттъ говоритъ, что далеко не игралъ въ нихъ блестящей роли, такъ какъ хорошимъ ораторомъ не былъ и не привыкъ «сочинять» и обобщать своихъ мыслей о какомъ бы то ни было предметѣ; единственно, что помогало ему—это историческія свѣдѣнія, пріобрѣтенныя имъ, благодаря неутомимому и разнообразному чтенію. Въ это время онъ сблизился со многими товарищами, оставшимися его друзьями на всю жизнь. Онъ не вполне одобрялъ препровожденія времени тогдашнихъ студентовъ.

Много, говорить онъ, было лѣни, а иногда слишкомъ много кутежей, но, въ общемъ, это была хорошая молодежь съ горячимъ сердцемъ и искреннимъ желаніемъ приобрести знаніе. Замѣтивъ, что онъ отсталъ отъ товарищей по метафизической философіи и другимъ отраслямъ науки, В. Скоттъ старался чтеніемъ пополнить то, чего ему недоставало. Въ январѣ 1791 года его приняли членомъ въ самое извѣстное Эдинбургское литературное общество (The Speculative) и выбрали библіотекаремъ, а затѣмъ секретаремъ и кассиромъ его. Существуютъ различныя записи, сдѣланныя его рукой и касающіяся дѣлъ общества, гдѣ видно, что онъ съ большимъ вниманіемъ занимался ими; но эти записи, такъ же, какъ и письма, написанныя имъ въ первой молодости, отличаются странно небрежнымъ правописаніемъ. Въ этомъ обществѣ или клубѣ читались между прочимъ различныя статьи, написанныя членами, и мистеръ Фрэнсисъ Джеффри упоминаетъ, что В. Скоттъ не отставалъ отъ другихъ. Онъ также собиралъ различныя старинныя вещи и книги. Около этого же времени отецъ В. Скотта предложилъ сыну сдѣлаться его компаньономъ, но высказалъ, что предпочелъ бы видѣть его адвокатомъ. В. Скоттъ и самъ желалъ этого, такъ какъ положеніестряпчаго казалось ему болѣе зависимымъ, а онъ жаждалъ свободы. Онъ началъ специально изучать законы и трудился надъ этимъ отъ 1789 до 1792 года, занимаясь римскимъ гражданскимъ правомъ и муниципальными законами Шотландіи вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ Вильямомъ Клеркомъ и слушая лекціи по этимъ предметамъ въ Эдинбургскомъ университетѣ. Шотландскіе законы читалъ тогда извѣстный Давидъ Юмъ, о которомъ В. Скоттъ постоянно впоследствии вспоминалъ съ благодарностью и восхищеніемъ. Занятія молодыхъ людей увѣнчались полнымъ успѣхомъ и въ 1792 г. будущій романистъ получилъ званіе адвоката.

Г Л А В А II.

1792—1814.

Первая любовь В. Скотта.—Поѣздки въ горную Шотландію.—Стихотворные опыты.—Женитьба.—Первыя сношенія съ Балантайномъ.—Друзья и помощники В. Скотта.—Дальнѣйшіе литературные труды.—Семейная жизнь поэта.

В. Скотту минулъ 21 годъ, когда онъ получилъ званіе адвоката. Въ это время онъ былъ застѣнчивъ, небреженъ въ одеждѣ и дичился въ обществѣ. Вдругъ съ нимъ произошла перемѣна; онъ сталъ хорошо одѣваться и сдѣлался, по шутливому выраженію товарищей, «дамскимъ кавалеромъ»—и все это произошло отъ того, что онъ влюбился въ молодую дѣвушку, которую однажды, по случаю дождя, проводилъ до ея дома подъ своимъ зонтикомъ. Это была Маргарита, дочь сэра Джона Стюарта Гельчеса, стоявшаго на болѣе высокой общественной ступени, чѣмъ будущій романистъ. Строго честный отецъ Вальтера, узнавъ о любви сына, счелъ долгомъ предупредить родителей Маргариты. Но сэръ Джонъ не обратилъ на это вниманія и не запретилъ своей дочери встрѣчаться съ В. Скоттомъ. Въ то время онъ, по словамъ герцогини Сударландъ, былъ красивый юноша: высокій, сильный, настоящій Геркулесъ; его портила только хромая нога. У него были большіе блестящіе глаза съ открытымъ взоромъ, пріятная улыбка, прекрасные зубы, благородный высокій лобъ и выраженіе лица полусерьезное и полувеселое. Несмотря

на скромность и застѣнчивость, рѣчь его отличалась блескомъ и умомъ. В. Скоттъ мечталъ, что Маргарита также любитъ его, но не смѣлъ высказывать ей своихъ чувствъ. Такъ дѣло шло лѣтъ 5—6; но когда наконецъ онъ объяснился съ нею, то уже было поздно: молодая дѣвушка считалась невѣстой другого, именно пріятеля В. Скотта, сэра Вильяма Форбеса, за котораго скоро и вышла. Это знакомство и любовь сильно повліяли на В. Скотта въ томъ смыслѣ, что удержали его отъ многихъ соблазновъ молодости и развили поэтическій элементъ въ его характерѣ.

Что касается адвокатской дѣятельности, которую В. Скоттъ занимался около 10 лѣтъ, то она оказалась неудачною, такъ какъ ему приходилось вести все незначительныя дѣла, не смотря на то, что онъ, по свидѣтельству товарищей, отличался основательнымъ знаніемъ законовъ, трудолюбіемъ, находчивостью, здравымъ смысломъ и къ тому-же былъ замѣчательнымъ діалектикомъ. За всѣ эти качества онъ пользовался уваженіемъ товарищей и былъ нѣсколько разъ избираемъ въ бібліотекари корпораціи юристовъ, наравнѣ съ лицами, столь извѣстными какъ Давидъ Юмъ, профессоръ шотландскаго права, и историкъ Малькольмъ Ленгъ.

Занятія въ бібліотекѣ соотвѣтствовали склонностямъ В. Скотта: имѣя подъ руками богатый матеріалъ, онъ горячо и неутомимо изучалъ легенды и мѣстные историческіе памятники. Въ этомъ же направленіи онъ работалъ во время своихъ поѣздокъ по дѣламъ и экскурсій по шотландскому порубежью въ каникулярное время. Такъ, втеченіе 7 лѣтъ, Вальтеръ Скоттъ ежегодно дѣлалъ набѣгъ на отдаленный горный Лидесдаль, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Шортридомъ, и собиралъ тамъ пѣсни и легенды, изъ которыхъ составилъ впоследствии «Сборникъ поэзіи Шотландскаго Порубежья». Здѣсь же онъ знакомился съ народнымъ бытомъ, такъ прекрасно изображеннымъ въ его романахъ. По мнѣнію Шортрида, въ то время В. Скоттъ еще вовсе не отдавалъ себѣ отчета, какіе плоды принесутъ его странствія, а просто думалъ о пріятномъ

и веселомъ препровожденіи времени. Шортридь рассказываетъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ прогулокъ. Лидесдэлъ былъ въ то время такимъ уединеннымъ уголкомъ свѣта, что кабриолетъ В. Скотта оказался первымъ когда либо появившимся тамъ экипажемъ. Во всей долинѣ не было ни одной гостиницы или даже постоялаго двора; приходилось пользоваться гостеприимствомъ то въ хижинѣ пастуха, то на фермѣ, то въ пасторскомъ домѣ.—Въ эти дни, говоритъ Шортридь, описывая одну изъ названныхъ прогулокъ, адвокатовъ еще было мало, по крайней мѣрѣ—въ Лидесдэлѣ; поэтому пріѣздъ такого высокопоставленнаго гостя произвелъ сильный переполохъ въ первой фермѣ, которую они посѣтили. Она принадлежала нѣкому Вилли Эліоту. Онъ принялъ ихъ съ величайшими церемоніями и настоялъ на томъ, что самъ сведеть лошадей В. Скотта въ конюшню. Шортридь сопровождалъ Вилли, который, взглянувъ въ щелку двери и увидѣвъ, какъ любезно В. Скоттъ отвѣчаетъ на привѣтствія полудюжины окружавшихъ его собакъ,—прошепталъ: «ну, чертъ меня возьми, если я его теперь хоть крошечку боюсь—мнѣ кажется, что онъ точь въ точь такой же человекъ, какъ и мы».—Онъ на славу потчивалъ своихъ гостей, послѣ чего они отправились ночевать къ доктору Эліоту, сосѣднему пастору, у котораго былъ цѣлый сборникъ древнихъ балладъ и легендъ; здѣсь также не обошлось безъ угощенія, и пуншъ игралъ въ немъ не маловажную роль. На слѣдующее утро они предприняли новую и довольно далекую поѣздку, съ намѣреніемъ посѣтить стараго Томаса въ Твизльгопѣ, также принадлежавшаго къ клану Эліотовъ и славившагося игрою на шотландской волынкѣ и знаніемъ рѣдкихъ старинныхъ пѣсень. Угостивъ ихъ музыкою, старій Томасъ преподнесъ имъ, по горному обычаю, пуншъ въ особенномъ маленькомъ деревянномъ сосудѣ, похожемъ формою на подошникъ и носившемъ имя «мудрость» за то, что въ немъ могло помѣститься всего нѣсколько ложекъ напитка. И тѣмъ не менѣе сосудъ этотъ во всемъ приходѣ лѣтъ 50 уже славился какъ

самый лютей врагъ трезвости и мудрости, ибо хозяинъ такъ ловко умѣлъ снова наполнять его, что онъ никогда не бывалъ пустымъ. Оказавъ должную честь «мудрости», друзья продолжали свое веселое путешествіе. Хотя пить приходилось часто, но ни молодой Вальтеръ, ни его другъ, не злоупотребляли спиртными напитками и, даже выпивъ лишнюю рюмку, всегда оставались «джентльменами». Однажды молодые люди, остановившись въ одной хижинѣ, очень удивились, что, не смотря на радушный приемъ, хозяева подали имъ только одну бутылку наливки. Послѣ ужина молодой пасторъ, также находившійся въ домѣ, по приглашенію хозяина сталъ читать библію. Фермеръ, задремавшій во время чтенія, вдругъ вскочилъ и сильно удивилъ гостей возгласомъ: «Ей богу, наконецъ вотъ и боченокъ!» и въ ту же минуту въ комнату ввалились съ боченкомъ на рукахъ два здоровыхъ работника, которыхъ фермеръ, въ ожиданіи визита адвоката, послалъ два дня тому назадъ къ извѣстному контрабандисту за водкой. Душеспасительное занятіе было прервано и устроилась попойка, длившаяся до солнечнаго восхода.

В. Скоттъ собиралъ также всякія древности. Между прочимъ докторъ Эллиотъ подарилъ ему старинный боевой рогъ, въ которомъ до того времени одинъ изъ слугъ его держалъ жиръ для смазки желѣзныхъ садовыхъ инструментовъ. Его вычистили,—онъ оказался вполне цѣлымъ и невредимымъ и до настоящаго времени сохраняется въ Абботсфордѣ. В. Скоттъ самъ везъ его домой, не выпуская изъ рукъ, Шортриду-же поручилъ какія-то старинныя удила. «И весь этотъ вздоръ никогда намъ ничего не стоилъ—замѣчаетъ практическій другъ романиста—«намъ съ начала недѣли и до конца не приходилось братья за кошелекъ».

Въ одно изъ слѣдующихъ своихъ путешествій В. Скоттъ посѣтилъ Стирлингширъ и Пертширъ и, между прочимъ, былъ въ Тюлибоди, имѣніи дяди его друга Джорджа Аберкромби. Старикъ разсказалъ ему о томъ, какъ онъ посѣтилъ разбойника Робъ-Роя въ его пещерѣ.

былъ принять имъ весьма любезно, ѣлъ у него жареное мясо украденныхъ изъ Тюлибоди коровъ и заключилъ съ нимъ условіе о платѣ ему «черной дани», что должно было гарантировать его владѣнія не только отъ Робъ Роя, но и отъ всѣхъ сосѣднихъ и дальнихъ разбойниковъ.

Въ промежуткахъ между своими странствованіями В. Скоттъ посѣщаль родныхъ и знакомыхъ въ окрестностяхъ Эдинбурга и тутъ продолжалъ свои антикварскія занятія вмѣстѣ съ изученіемъ мѣстностей. Въ то время, т. е. между 1792 и 1796 годомъ, въ Шотландіи происходило довольно значительное умственное броженіе. Общество, подѣ влияніемъ извѣстій о великой французской революціи, раздѣлилось на консерваторовъ и сторонниковъ революціи. В. Скоттъ примкнулъ къ первой партіи и игралъ видную роль въ столкновеніяхъ ея съ демократическими ирландскими медицинскими студентами. Около того-же времени въ Англии и Шотландіи распространился страхъ французскаго вторженія и начали формироваться полки волонтеровъ. Въ Эдинбургѣ составился полкъ, гдѣ адвокаты были рядовыми, а судьи офицерами, но В. Скоттъ былъ этимъ недоволенъ и нѣсколько позднѣе съ нѣкоторыми друзьями выхлопоталъ позволеніе устроить кавалерійскій отрядъ, въ которомъ былъ назначенъ квартирмейстеромъ и казначеемъ. Не смотря на свой физическій недостатокъ хромоту онъ отлично ѣздилъ верхомъ, не зналъ усталости, а энергія и веселость его одушевляли всѣхъ. Онъ однако не бросалъ и своихъ литературныхъ занятій. Втеченіе зимы 1795 года ему пришлось прочесть балладу Бюргера «Ленору», которая привела его въ такой восторгъ, что онъ въ тотъ же вечеръ принялся переводить ее, не спалъ всю ночь и на слѣдующее утро представилъ переводъ своимъ друзьямъ, которые вполне одобрили его. Подѣ влияніемъ мрачныхъ картинъ Бюргеровской поэзіи молодой поэтъ отправился съ своимъ пріателемъ Александромъ Вудомъ къ знаменитому хирургу Джону Беллю и выпросилъ у него черепъ и двѣ бедренныя кости, которыя впоследствии всегда занимали почет-

ное мѣсто на верхушкѣ его книжнаго шкафа. Послѣ этого онъ съ жаромъ принялся изучать нѣмецкій языкъ, а свой переводъ «Леноры», вмѣстѣ съ переводомъ другой поэмы Бюргера «Дикій охотникъ», напечаталъ безъ подписи въ 1796 году. Эти первыя литературныя попытки В. Скотта произвели мало впечатлѣнія на читающую публику, хотя англійскіе критики высоко цѣнятъ ихъ.

В. Скоттъ не особенно долго оплакивалъ свою первую любовь. Черезъ годъ послѣ замужества Маргариты онъ съ братомъ Джономъ и пріятелемъ своимъ Фергюсономъ отправился въ экскурсію на англійскія озера и временно поселился въ уединенной деревнѣ Кумберланда, Гольсландѣ, имѣвшей минеральныя воды. Въ окрестностяхъ ея онъ встрѣтилъ молодую дѣвушку, которая поразила его своею прелестью. Въ тотъ же вечеръ на балѣ въ Гольсландѣ онъ былъ представленъ ей—это была миссъ Шарлотта Карпентеръ, дочь француза Жана Шарпантье изъ Ліона, преданнаго роялиста, умершаго въ началѣ революціи. Мать ея съ двумя дѣтьми переселилась въ Англію, гдѣ также вскорѣ умерла, оставивъ сиротъ на попеченіе друга ихъ семьи, маркиза Дауншира. Братъ Шарлотты служилъ въ Остѣиндской компаніи, а она сама жила у старой пріятельницы своей матери, миссъ Никольсонъ, съ которой и пріѣхала на воды. Хотя черты лица Шарлотты не были правильны, но она имѣла большіе черные глаза, темные роскошныя волосы, граціозную фигуру и прелестныя манеры. Молодые люди съ перваго взгляда полюбили другъ друга и черезъ мѣсяць Вальтеръ уже былъ женихомъ Шарлотты. Маркизь Даунширъ безъ затрудненія далъ свое согласіе, но старый эдинбургскій стряпчій въкоторое время противился послѣдшему, по его мнѣнію, браку сына. Строгій пресвитеріанецъ не любилъ Франціи и, хотя миссъ Карпентеръ была протестантка, онъ, тѣмъ не менѣе, ожидалъ мало хорошаго отъ французки. Кромѣ того ему не нравилась эта женитьба и съ другой стороны—сынъ его не былъ обезпеченъ, и хотя миссъ Карпентеръ получала 500 ф. ст. въ годъ отъ

брата, но этотъ доходъ нельзя было назвать вполне вѣрнымъ. В. Скотту стоило большого труда уговорить отца, но это ему удалось, и онъ 24 декабря того же года обвѣнчался съ Шарлоттою.

Брачную жизнь В. Скотта можно назвать вполне счастливою, хотя впоследствии оказалось, что во вкусахъ супруговъ было мало общаго. Лэди Скоттъ была вполне преданная жена и добрая мать. Если она и не отличалась особенными талантами, за то была гостеприимною хозяйкою, и зимой въ домѣ В. Скотта въ Эдинбургѣ собирались по вечерамъ друзья и товарищи, между которыми встрѣчалось не мало талантливыхъ людей. Молодая чета не давала званыхъ обѣдовъ и баловъ, но часто посѣщала театръ. Лѣто супруги проводили въ небольшой дачкѣ, деревенскомъ домикѣ или коттеджѣ, нанятомъ ими въ 6 миляхъ отъ Эдинбурга.—Здѣсь В. Скоттъ занимался цвѣтоводствомъ. Коттеджъ этотъ, называвшійся Ласвэдъ, стоялъ въ очень живописной мѣстности, — неподалеку располагались замки герцога Буклю, лорда Мельвилля, лорда Будгузли и мистера Мэкензи, которые всѣ радушно принимали молодыхъ супруговъ въ свое общество. Друзья изъ Эдинбурга также прѣзжали въ Ласвэдъ. Локгардъ рассказываетъ, что много лѣтъ спустя, когда В. Скоттъ достигъ славы и богатства, онъ повезъ однажды въ Ласвэдъ своихъ друзей, мистера Маррита и его жену, и, показывая имъ коттеджъ, сказала: «Хотя нечего тутъ и смотрѣть, но я все таки желала убѣдиться, существуетъ-ли по прежнему этотъ маленький домикъ. Это была первая наша дача послѣ свадьбы, и мы много хлопотали, чтобы придать ей уютный видъ; я даже собственноручно сдѣлала большой обѣденный столъ. Посмотрите на эти двѣ несчастныя ивы у воротъ: онѣ связаны верхушками въ видѣ арки. Конечно, онѣ представляютъ теперь не важное зрѣлище, но я хотѣлъ снова на нихъ взглянуть; увѣряю васъ, эта зеленая арка такъ нравилась мнѣ и мамѣ (такъ обыкновенно В. Скоттъ называлъ жену, когда у нихъ пошли дѣти), что въ день ея устройства мы долго ходили

ночью, при лунномъ свѣтѣ, любуясь ея живописнымъ видомъ и великолѣпемъ нашего жилища».

Счастливая семейная жизнь сильно поощряла В. Скотта въ его литературныхъ занятіяхъ. Онъ познакомился съ знаменитымъ въ то время литераторомъ Люисомъ, авторомъ полнаго сверхъестественныхъ ужасовъ романа «Монахъ». Люисъ составлялъ сборникъ, вышедшій затѣмъ въ 1801 году подъ названіемъ «Чудесные рассказы»;—онъ обратился къ В. Скотту съ просьбой дать ему какой-нибудь «нѣмецкой чертовщины» вродѣ его перевода «Леноры» Бюргера. В. Скоттъ тотчасъ послалъ ему нѣсколько балладъ. Люисъ-же побудилъ его предпринять переводъ драмы Гете «Гецъ фонъ Берлихингенъ», который былъ (стараніями Люиса) напечатанъ въ 1799 году, и хотя одобренъ былъ критикою, но особеннаго впечатлѣнія не произвелъ. Въ это время В. Скоттъ началъ писать оригинальныя стихотворенія для сборника Люиса; таковы его баллады «Гленфиласъ», «Сѣрый братъ», «Канунъ Иванова дня» и др. Всѣ они основаны на преданіяхъ, воспѣваемыхъ въ народныхъ шотландскихъ балладахъ. Люисъ мѣшкалъ съ изданіемъ сборника, и В. Скоттъ случайно нашелъ другой способъ напечатать свои стихотворенія; именно Джэмсъ Балантайнъ, товарищъ его по школѣ и содержатель типографіи въ городѣ Кельзо, предложилъ ему помѣщать юридическія статьи въ его газетѣ «Вѣстникъ Кельзо». В. Скоттъ согласился и затѣмъ съ своей стороны предложилъ Балантайну напечатать сборникъ его балладъ въ 12 экземплярахъ, чтобы показать этотъ образецъ типографскаго искусства въ Единбургѣ и доставить Балантайну заказы отъ единбургскихъ книгопродавцевъ. Уѣхавъ въ Единбургъ, В. Скоттъ вскорѣ написалъ своему другу письмо, гдѣ предлагалъ ему издавать, во-первыхъ—еженедѣльную газету, во-вторыхъ—ежемѣсячный журналъ и, въ-третьихъ—Каледонскій ежегодникъ, для котораго находилъ не труднымъ подобрать хорошія статьи. Кромѣ того онъ совѣтовалъ ему взять на себя изданіе судебно-

ныхъ и административныхъ документовъ, а также старинныхъ и новыхъ книгъ. Для всего этого онъ перезывалъ Балантайна въ Единбургъ и совѣтовалъ ему составить товарищество. Это и было началомъ издательскихъ предпріятій В. Скотта, имѣвшихъ для него такіе печальные результаты. Но въ то время планы эти казались ему весьма блестящими, тѣмъ болѣе, что собственное положеніе его было уже обезпечено, и онъ думалъ, что спокойно можетъ предаться литературной дѣятельности. Дѣло въ томъ, что умеръ пріятель В. Скотта мистеръ Плуммеръ, пламенный антикварій и шерифъ (судья) въ Селькиркѣ. Намѣстникъ графства, лордъ Буклю, какъ вождь клана Скоттовъ, постарался оказать покровительство поэту, литературнымъ занятіямъ и политическимъ убѣжденіямъ котораго сочувствовалъ. Онъ ходатайствовалъ за него у тогдашняго министра, лорда Мельвилля, тоже цѣнившаго В. Скотта, и будущій романистъ былъ назначенъ шерифомъ 16-го декабря 1799 года съ содержаніемъ въ 300 фунтовъ въ годъ, что съ доходомъ отъ адвокатскихъ дѣлъ и съ тѣмъ, что получала г-жа Скоттъ, представляло достаточныя средства для вполне обезпеченнаго образа жизни. Служба В. Скотта, какъ шерифа въ мирной и пастушеской подвѣдомственной ему мѣстности, лежавшей главнымъ образомъ во владѣніяхъ герцога Буклю—была нетрудная; поэтому онъ съ жаромъ принялся за собираніе и изданіе балладъ и, по счастливому стеченію обстоятельствъ, нашелъ трехъ прекрасныхъ помощниковъ для этого дѣла. Первый изъ нихъ былъ Джонъ Лейденъ, сынъ пастуха, почти самоучкой выучившійся новымъ и древнимъ языкамъ, математикѣ и естественнымъ наукамъ. Случайное знакомство его съ В. Скоттомъ вскорѣ превратилось въ тѣсную дружбу. В. Скоттъ предложилъ ему сотрудничество въ сборникѣ Люиса, а также въ своемъ собственномъ, и Лейденъ доставилъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній въ оба, но его услуги были всего драгоценнѣе по отношенію къ розысканію мѣстныхъ шотландскихъ легендъ и пѣсенъ. Дру-

гой помощникъ и другъ В. Скотта былъ Джемсъ Гоггъ, «Этрикскій пастухъ», скрывавшій подъ грубой оболочкою простаго мужика глубокий поэтическій талантъ. Онъ увѣрялъ, что знаетъ всѣ баллады, легенды и пѣсни пограничной Шотландіи и, дѣйствительно, доставилъ поэту значительное число ихъ. Съ своей стороны В. Скоттъ постоянно заботился о немъ и старался устроить его судьбу, что было нелегко, такъ какъ Гоггъ отличался капризнымъ и неуживчивымъ характеромъ. Онъ то преклонялся передъ В. Скоттомъ, то писалъ ему письма, начинавшіяся словами «проклятый сэръ» и подписанныя «презирающій васъ».

Онъ въ первый разъ явился обѣдать къ В. Скотту въ пастушьей одеждѣ, съ руками, невымытыми послѣ стрижки овецъ, и, увидѣвъ, что г-жа Скоттъ, въ то время хворавшая, прилегла на диванъ, тотчасъ самъ во весь ростъ вытянулся на другомъ, такъ какъ, по его позднѣйшему объясненію, «онъ думалъ, что не можетъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ послѣдовать примѣру хозяйки дома». За обѣдомъ чѣмъ онъ болѣе пилъ, тѣмъ становился фамиллярнѣе, сталъ звать В. Скотта сначала Вальтеромъ, а потомъ Ватти, и за ужиномъ уморилъ всѣхъ со смѣху, назвавъ г-жу Скоттъ «Шарлоттою». Грамотѣ Гоггъ выучился самоучкою, сторожа своихъ овецъ на пастбищѣ, и, тѣмъ не менѣе, написалъ нѣсколько коротенькихъ поэмъ такъ прекрасно, какъ не удалось бы сдѣлать и самому В. Скотту. Совсѣмъ въ другомъ родѣ былъ другъ Гогга и третій помощникъ В. Скотта, Вильямъ Ледлау, сынъ фермера, у котораго втеченіе десяти лѣтъ находился въ услуженіи Гоггъ. Онъ съ самаго дѣтства собиралъ легенды и пѣсни и передавалъ ихъ В. Скотту. Впослѣдствіи онъ былъ его управляющимъ и секретаремъ въ Абботсфордѣ и окружалъ своего друга попеченіями въ послѣдній, печальный періодъ его жизни. Первые два тома «Поэзіи Шотландскаго Порубежья» появились въ 1802 году. Они были напечатаны въ типографіи Джэмса Балантайна въ Кельзо; уже въ 1803 году вышло второе

изданіе съ прибавленіемъ третьяго тома. Введеніе и примѣчанія къ нимъ представляютъ интересный трудъ по бытовой исторіи Шотландіи, имѣющей самостоятельную цѣнность. Знатоки древней литературы обратили большое вниманіе на «Поэзію Шотландскаго Порубежья»; этимъ изданіемъ В. Скоттъ сразу занялъ видное мѣсто въ литературѣ и былъ съ распростертыми объятіями принятъ лондонскими литераторами. Онъ тотчасъ принялся за первую свою самостоятельную поэму «Пѣснь послѣдняго Барда». Въ то же время его пригласили въ сотрудники только-что основаннаго «Эдинбургскаго Обзоренія», редакторомъ котораго былъ другъ и товарищъ В. Скотта по адвокатской дѣятельности, Джефрей. Первые статьи В. Скотта были критическія. Въ январѣ 1805 года появилась «Пѣснь послѣдняго Барда»; о ней самъ В. Скоттъ въ предисловіи говоритъ, что эта попытка возвратиться къ болѣе естественной поэзіи должна быть встрѣчена сочувственно публикой, которой надобно героическіе, напыщенные гексаметры. Успѣхъ превзошелъ ожиданія автора, и въ числѣ лицъ, одобдившихъ В. Скотта, были Чарльзь Фоксъ и Вильямъ Питтъ. Послѣдній говоритъ, что «подобныя картины могутъ быть изображены только живописью, а не поэзіей». «Пѣснь послѣдняго Барда» яркими красками рисовала дикую жизнь порубежья. В. Скотту было тогда 34 года... Неимовѣрный успѣхъ его поэмы имѣлъ рѣшающее значеніе въ его жизни; съ этого времени онъ вполне отдался литературѣ.

Нѣсколько раньше, именно въ 1804 году, В. Скоттъ покинулъ Ласвэдъ, взялъ въ аренду у своего двоюроднаго брата помѣстье Ашестель на берегу рѣки Твида и переселился туда. Это случилось вслѣдствіе жалобы лорда намѣстника, что В. Скоттъ не живетъ въ своемъ округѣ и слишкомъ много тратитъ времени на свои занятія, какъ волонтеръ ополченія. Поэтъ согласился перемѣнить мѣсто жительства, но волонтеромъ тѣмъ не менѣе остался. Относительно жизни В. Скотта въ Ашестелѣ можно сказать, что она вполне соответствовала его вкусамъ и на-

клонностямъ. Гористая, живописная мѣстность, находящаяся вблизи города Селькирка, вся принадлежала герцогу Буклюю. Здѣсь В. Скоттъ могъ охотиться, ловить рыбу и вообще предаваться, сколько ему было угодно, сельскимъ удовольствіямъ въ промежуткахъ отъ служебной дѣятельности и литературныхъ занятій. Онъ въ то же время заботился о собственной фермѣ и о лѣсахъ, принадлежавшихъ къ Ашестелью. При переѣздѣ онъ думалъ поручить веденіе фермы и присмотръ за домомъ въ зимнее время своему пріятелю, пастуху-поэту Джэмсу Гоггу; но это не устроилось, и на его мѣсто былъ взятъ Томасъ Пурди, бывший до конца жизни В. Скотта его преданнымъ другомъ и слугою. Съ Пурди В. Скоттъ сначала познакомился въ качествѣ судьи. Бѣднякъ обвинялся въ браконьерствѣ, т. е. незаконной охотѣ. Онъ такъ трогательно защищался и говорилъ о своемъ тяжеломъ положеніи съ женою и дѣтьми, «когда работы было мало, а тетеревовъ много», что сердце поэта смягчилось. Томъ избѣжалъ законной кары, былъ взятъ въ пастухи и выказалъ такую способность и охоту къ работѣ, что В. Скоттъ далъ ему мѣсто, предназначавшееся Гоггу, и никогда впоследствии не раскаявался въ этомъ. Вскорѣ послѣ переселенія В. Скотта въ Ашестель, умеръ его дядя Робертъ и оставилъ ему въ наслѣдство имѣнье Розбанкъ, которое будущій романистъ продалъ за 5000 фунт. стерл. Сначала эти деньги предназначались на покупку помѣстья, но въ это время Балантайнъ, переселившійся въ Эдинбургъ и печатавшій «Пѣснь послѣдняго Барда», заявилъ В. Скотту, что его предпріятіе за недостаткомъ средствъ должно погибнуть. В. Скоттъ отдалъ ему свои 5000 и сдѣлался негласнымъ компаньономъ фирмы, подъ условіемъ, что треть принадлежитъ ему. Хотя это участіе въ коммерческомъ дѣлѣ имѣло для поэта весьма печальныя послѣдствія, но нельзя сказать, чтобы онъ поступалъ здѣсь необдуманно. Онъ вообще былъ практическій и дѣловой человѣкъ, хорошо понимавшій, что ему необходима матеріальная поддержка, помимо литературной и

издательской дѣятельности. Поэтому онъ началъ искать казеннаго мѣста, которое лучше обезпечивало бы его семью, чѣмъ профессія адвоката и шерифа. Въ Верховномъ Единбургскомъ Судѣ существовала тогда должность секретаря съ 1300 фунт. стерл. жалованья; она какъ нельзя лучше соответствовала желаніямъ и способностямъ В. Скотта. Ее занималъ одинъ изъ пріятелей романиста, старый и больной человекъ. Благодаря могущественнымъ покровителямъ, В. Скоттъ получилъ это мѣсто подъ условіемъ уступать жалованье своему предшественнику до его смерти. Такимъ образомъ ему нѣкоторое время пришлось работать даромъ, но онъ не тяготился этимъ, имѣя въ виду получать въ будущемъ значительный и опредѣленный доходъ. Должность эта оставалась за нимъ втеченіе 25 лѣтъ. Во время сессіи, продолжавшейся около шести мѣсяцевъ, онъ былъ ежедневно занятъ въ судѣ отъ четырехъ часовъ до шести, такъ что на литературную работу у него оставалось только утро и вечеръ. Получивъ должность секретаря, В. Скоттъ бросилъ адвокатуру и энергично принялся за исполненіе задуманнаго имъ плана—нажить состояніе при помощи литературы. Собственные литературные труды его постоянно увѣнчивались блестящимъ успѣхомъ, за весьма рѣдкими исключеніями; но связь его съ Балаантайномъ принесла ему не пользу, а прямой вредъ, такъ какъ, по словамъ Логкарта, заразила его спекулятивнымъ духомъ; кромѣ того, его доброта и склонность преувеличивать достоинства произведеній другихъ писателей часто увлекали его въ разныя литературно-издательскія предпріятія, почти всегда кончавшіяся для него денежными потерями. В. Скоттъ также дорого заплатился за то, что скрывалъ свое участіе въ торговомъ дѣлѣ братьевъ Балаантайновъ. Сдѣлавъ онъ это въ видѣ уступки предразсудкамъ своего времени и своего круга, гдѣ никто не могъ допустить мысли, чтобы адвокатская и служебная дѣятельность могли быть соединены съ торговлею. Нужно вообще сказать, что ни онъ, ни братья Балаантайны не

умѣли вести торговыхъ дѣлъ, постоянно увлекались и въ концѣ-концовъ были опутаны цѣлою сѣтью денежныхъ затрудненій, отъ которыхъ имъ невозможно было избавиться иначе, какъ тяжелымъ и неутомимымъ трудомъ.

Отдавъ всѣ свои силы литературѣ, В. Скоттъ втеченіе десяти лѣтъ работалъ—какъ поэтъ, критикъ, публицистъ и издатель. Онъ ежегодно выпускалъ въ свѣтъ по нѣскольку важныхъ трудовъ. Первое мѣсто въ этомъ періодѣ его литературной дѣятельности занимали поэмы «Марміонъ» и «Два озера». Вмѣстѣ съ «Пѣснью послѣдняго Барда» онъ рисовали художественныя и блестящія бытовыя картины шотландскаго порубежья въ феодальную эпоху, и на нихъ основалась поэтическая слава В. Скотта. Всѣ его поэтическія произведенія отличаются картинностью описаній, живымъ интересомъ разсказа и вполне объективнымъ отношеніемъ къ тому, что описывается—вслѣдствіе чего критика часто сравнивала его съ Гомеромъ. Послѣдующія поэмы В. Скотта: «Рокби», «Видѣніе лорда Родерика» и «Триерменская невѣста» гораздо слабѣе и пользовались меньшимъ успѣхомъ; послѣднее зависѣло и отъ того, между прочимъ, что читатели начали увлекаться субъективною и могучею поэзіей Байрона. Мы не станемъ пересчитывать изданій, предпринятыхъ за это время В. Скоттомъ, но не можемъ пройти молчаніемъ сочиненій Драйдена и Свифта, которыя были прекрасно изданы поэтомъ и снабжены имъ примѣчаніями и біографіями авторовъ. Онъ также тщательно издалъ нѣсколько важныхъ историческихъ трудовъ. Все это печаталось у Балантайновъ, причемъ главнымъ издателемъ былъ Констэбл; но въ 1808 году В. Скоттъ поссорился съ нимъ за то, что, по его мнѣнію, «Эдинбургское обозрѣніе» Констэбля стало проповѣдывать антипатріотическіе и революціонные взгляды. Вслѣдствіе этого поэтъ рѣшилъ самъ основать торійскій журналъ и лично вступить въ борьбу съ издателемъ партіи виговъ. Дѣйствительно, въ 1809 году было основано «Quarterly Review» (Четвертное Обозрѣніе), которое и

до настоящаго времени занимает почетное мѣсто въ англійской литературѣ. Но дѣла издательской фирмы братьевъ Балантайновъ, куда В. Скоттъ вложилъ три четверти капитала, шли довольно плохо; поэтъ потерялъ терпѣніе, тѣмъ болѣе, что съ него требовали все новыхъ и новыхъ взносовъ, и помирился съ Констэблемъ.

За всѣ эти трудовые годы В. Скоттъ пользовался громадною извѣстностью, какъ первый поэтъ въ Англии.

По его собственному выраженію, «его ласкали до безчувствія». Но это вовсе не отуманивало В. Скотта, и онъ продолжалъ весьма трезво смотрѣть на вещи. «Литературная слава», говоритъ онъ, «ничто иное, какъ блестящее перо на шапкѣ, а вовсе не существенная защита головы». «Хотя я писатель», продолжаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «но мнѣ бы хотѣлось, чтобъ эти добрые люди не забывали, что я началъ свою жизнь джентльменомъ и вовсе не желаю перестать имъ быть».—Въ этомъ, вмѣстѣ съ присущимъ каждому шотландцу уваженіемъ къ происхожденію отъ древней, родовитой семьи,—состояла его гордость.

В. Скоттъ постоянно проводилъ зиму въ Единбургѣ, если не считать его поѣздокъ въ Лондонъ, нѣсколькихъ короткихъ экскурсій по Шотландіи и путешествія на Гебридскіе острова. Лѣтомъ онъ жилъ въ Ашестель. Миссъ Сьюардъ, познакомившаяся съ нимъ лично въ послѣдніе годы пребыванія его здѣсь, слѣдующимъ образомъ описываетъ его:—«Онъ, гордость Каледонской Музы, скорѣе плотень, нежели строень. Онъ хромаетъ на ту-же ногу, какъ мистеръ Гайлей, но еще нѣсколько сильнѣе; ни въ окладѣ его лица, ни въ чертахъ нѣтъ особеннаго изящества; цвѣтъ лица у него здоровый, свѣжій, но безъ румянца. Станнымъ образомъ у него темнорусые волосы, а рѣсницы и брови свѣтлыя; выраженіе лица открытое, искреннее, полное доброты. Когда онъ ведетъ серьезный разговоръ или внимательно прислушивается, глубокая мысль свѣтится въ его сѣрыхъ глазахъ, — порою подъ сдвинутыми бровями они загораются огнемъ генія. Ротъ былъ бы безусловно красивъ, еслибы его не портила

слишкомъ длинная верхняя губа; прекрасный характеръ и сердечная доброта выражаются въ его улыбкѣ, въ веселой и ласковой бесѣдѣ, а въ обществѣ онъ чаще веселъ, нежели задумчивъ. Рѣчь его похожа на льющійся черезъ край источникъ остроумія и шутливой насмѣшливости—между тѣмъ какъ, касаясь серьезныхъ вопросовъ, онъ нервно краснорѣчивъ; произношеніе его отличается шотландскимъ акцентомъ, но, во всякомъ случаѣ, не имѣетъ въ себѣ ничего грубо - простонароднаго. Память его не менѣе удивительна, чѣмъ у Джонсона и, подобно ему же, онъ читаетъ такъ монотонно и рѣзко, что не даетъ возможности оцѣнить по достоинству ни своихъ произведеній, ни чужихъ...»

Семейная жизнь поэта въ Ашестьелѣ описана его товарищемъ Скиномъ. Нельзя сказать, чтобы В. Скоттъ съ особеннымъ увлеченіемъ занимался своими дѣтьми въ ранніе годы ихъ дѣтства; но съ того возраста, когда они могли уже слушать и понимать его, онъ посвящалъ имъ много времени. Они всегда свободно входили въ его кабинетъ, и можно сказать, что онъ всегда и во всемъ былъ ихъ товарищемъ и другомъ.

Кромѣ того В. Скоттъ разъ навсегда рѣшилъ, что дѣти его не покинутъ родительскаго дома—поэтому для дочерей была приглашена гувернантка, которая и окончила ихъ воспитаніе; сыновья ходили въ Единбургскую высшую школу. Онъ самъ былъ ихъ репетиторомъ. Интересно, что не смотря на близость отношеній В. Скотта и его дѣтей—они не имѣли ни малѣйшаго понятія о его литературной извѣстности. Разъ Джемсъ Балантайнъ спросилъ Софію, какъ ей нравится «Дѣва озеръ» — «О, я ее не читала», отвѣчала молодая дѣвушка: «Папа говоритъ, что молодымъ людямъ не годится читать дурные стихи». Въ другой разъ сынъ его, Вальтеръ, вернулся изъ школы въ слезахъ и съ царапинами на лицѣ. Его спросили, въ чемъ дѣло, и онъ отвѣчалъ, что подрался съ товарищами, потому что его называли дѣвчонкой. Изъ разспросовъ оказалось, что его называли «Дѣвой озеръ», и онъ при-

нялъ это за обиду, не имѣя ни малѣйшаго понятія о только что вышедшей поэмѣ отца. Когда же одинъ изъ друзей В. Скотта спросилъ мальчика, почему всѣ обходятся съ его отцомъ съ такимъ уваженіемъ, то мальчикъ, по зрѣломъ размышленіи, отвѣтилъ: «Я знаю почему: папа всегда первый увидитъ зайца на охотѣ».

Относительно личныхъ привычекъ В. Скотта Скинь рассказываетъ, что онъ вставалъ очень рано, самъ топилъ у себя каминъ, брился и одѣвался очень тщательно и затѣмъ садился за работу до завтрака въ десять часовъ. Письменная конторка его была аккуратно убрана, а книги для справокъ лежали на полу. Тутъ же всегда присутствовала одна изъ его любимыхъ собакъ. Послѣ завтрака, за которымъ собиралась вся семья, онъ работалъ еще два часа и въ полдень отправлялся кататься верхомъ. Если предполагалась далекая поѣздка, онъ былъ на конѣ уже въ десять часовъ. Въ пасмурные дни онъ работалъ до обѣда. Если въ Ашестельѣ были гости, онъ показывалъ имъ окрестности, а если нѣтъ, то отправлялся по хозяйству въ поле или въ лѣсъ, гдѣ онъ производилъ насажденія. Иногда онъ самъ принималъ участіе въ хозяйственныхъ работахъ. Его всюду сопровождали его собаки—таксы: Кампъ и Спайсъ, борзья: Дугласъ и Черси и прекрасная лягавая, Майда. Любовь В. Скотта къ «Рыжему Адаму» также упоминается въ его біографіи. Онъ вообще любилъ верховую ѣзду, рыбную ловлю, охоту и поощрялъ тѣ-же вкусы въ своихъ дѣтяхъ, находя, что такого рода занятія въ высшей степени полезны для здоровья. Что касается отношеній В. Скотта къ женѣ, то Скинь рассказываетъ, между прочимъ, слѣдующій анекдотъ. «Въ одно изъ отсутствій В. Скотта изъ дому—его жена отдѣлала маленькую гостиную котѣджа новымъ ситцемъ—все было устроено по послѣдней модѣ—она и дѣвочки съ нетерпѣніемъ ожидали увидѣть удовольствіе, которое доставитъ В. Скотту этотъ маленькій сюрпризъ. Его свели во вновь отдѣланныя комнаты: онъ невозмутимо усѣлся на приготовленное для него кресло

и сталъ наслаждаться спокойствіемъ у собственнаго очага, радуясь возвращенію въ семью и вовсе не замѣчая никакихъ переменъ, пока наконецъ вышедшая изъ терпѣнія г-жа Скоттъ не обратила его вниманія на то, что было сдѣлано. Досада его при мысли, что онъ огорчилъ жену своимъ невниманіемъ, была неописанна и втеченіе вечера онъ нѣсколько разъ восторгался новою обивкою, чтобы по возможности утѣшить «маму».

Американскій писатель Вашингтонъ Ирвингъ однажды посѣтилъ В. Скотта, который провелъ его въ каменоломню, гдѣ были заняты его рабочіе. «Лицо самаго бѣднаго изъ нихъ освѣтилось радостью при его приближеніи», рассказываетъ Вашингтонъ Ирвингъ:—всѣ бросили работу, чтобы перемолвиться ласковымъ словечкомъ съ «баринномъ». Между ними находился высокій, бравый старикъ въ круглой бѣлой шапкѣ; у него былъ свѣжій здоровый цвѣтъ лица и серебристые волосы. Онъ только что собирался поднять на плечи корыто съ цементомъ, но остановился и стоялъ, смотря на Скотта и ожидая своей очереди. Скоттъ ласково подошелъ къ нему и попросилъ у него понюшку табаку. Старикъ вынулъ изъ кармана старую роговую табакерку. «Эй, дѣдъ», замѣтилъ Скоттъ: «опять это старье! Гдѣ-же у тебя красивенькая французская табакерка, которую я привезъ тебѣ изъ Парижа?» «По правдѣ - истинѣ, ваша честь,» отвѣчалъ старикъ: «такая штучка не для будней». Выходя изъ каменоломни, Скоттъ сообщилъ мнѣ, что во время своего пребыванія въ Парижѣ онъ купилъ нѣсколько мелкихъ вещей для подарковъ своимъ рабочимъ и между прочимъ, табакерку, о которой шла рѣчь. «Имъ не столько нравилась стоимость подарковъ», прибавилъ онъ, «сколько пріятна была мысль, что *баринъ* подумалъ о нихъ, даже будучи такъ далеко».

ГЛАВА III.

1814—1825.

В. Скоттъ издаетъ первый свой романъ „Вэверлей“ и переходитъ на новое литературное поприще.—Успѣхи его, какъ романиста. — Слава и извѣстность.—Жизнь въ Абботсфордѣ.

7-го іюля 1814 года вышелъ въ свѣтъ, безъ имени автора, первый романъ В. Скотта «Вэверлей или шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ».—Съ одной стороны ему хотѣлось, какъ онъ самъ выражался въ письмахъ, воскресить въ формѣ романа старые исчезающіе шотландскіе обычаи, съ другой—его побудилъ перейти на новый литературный путь меньшій успѣхъ его послѣднихъ поэмъ. Успѣхъ «Вэверлея» превзошелъ всѣ ожиданія автора, скрывшаго свое имя. Всѣ журналы заговорили о новомъ литературномъ свѣтилѣ; это такъ поощрило В. Скотта, что онъ тотчасъ принялся за новый романъ, и черезъ шесть недѣль былъ готовъ «Гай Маннерингъ». Къ такой лихорадочной дѣятельности его побуждало также расстройство коммерческихъ дѣлъ Баллантайна, въ фирмѣ котораго находились всѣ его деньги.

Въ то же время онъ сдѣлалъ послѣднюю попытку въ области поэзіи и написалъ поэму «Поведитель острововъ»—произведеніе, имѣвшее сравнительно очень небольшой успѣхъ. Что касается «Гай Маннеринга», то изданіе въ 2000 экземпляровъ было распродано въ два дня, и это окончательно заставило автора бросить поэзію и перейти на новое литературное поприще. Съ тѣхъ поръ

В. Скоттъ написалъ только двѣ небольшія поэмы: «Ватерло» и «Гарольдъ», подтвердившія упадокъ его стихотворнаго таланта. Онъ энергично принялся за свои романы и втеченіи одиннадцати лѣтъ, т. е. до 1825 года, издалъ двадцать одинъ романъ въ пятидесяти восьми томахъ. Невозможно подробно говорить о каждомъ изъ нихъ, но нельзя не упомянуть о тѣхъ, которые англійскою читающею публикою признаются лучшими. Въ 1816 году появился «Антикварій». Это было любимое произведеніе В. Скотта, но сначала оно понравилось менѣе «Гай Маннеринга», хотя впоследствии пользовалось такою-же извѣстностью. О первыхъ трехъ выше названныхъ романахъ Гете выразился такъ: «Все въ нихъ прекрасно: матеріаль, исполненіе, дѣйствіе, типы». Къ концу того-же года вышли «Черный карликъ» и «Старый смертный». Хотя и здѣсь В. Скоттъ не подписался, но все узнали автора «Вэверлея». Критика расхвалила «Старого смертнаго» еще болѣе, чѣмъ предыдущіе романы. И дѣйствительно, онъ заслуживалъ подобныхъ похвалъ. Для «Вэверлея» матеріаломъ служили юношескія мечты автора, въ «Антикваріѣ» и «Гай Маннерингѣ» онъ описывалъ обычаи и типы лично ему знакомые; что-же касается «Старого смертнаго», то ему пришлось изучать цѣлыя бібліотеки старинныхъ хроникъ, чтобы воскресить отдаленную историческую эпоху. «Черный карликъ» и «Старый смертный» составляютъ первую серію «Разсказовъ моего хозяина». Во вторую вошли «Робъ Рой» и «Сердце Мидлотіана», появившіеся втеченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ. Оба были очень популярны. Во второмъ изъ нихъ выведены типы шотландскаго простонародья, которому В. Скоттъ весьма сочувствовалъ; онъ вообще высказывалъ мнѣніе, что въ добрыхъ простыхъ людяхъ изъ народа лучше видѣнъ характеръ націи, чѣмъ въ представителяхъ высшихъ слоевъ общества.—Третья серія «Разсказовъ моего хозяина» заключаетъ въ себѣ «Ламермурскую невѣсту», которую В. Скоттъ диктовалъ во время тяжелой болѣзни; замѣчательно, что выздо-

ровѣвъ, онъ ничего не помнилъ изъ своего романа, кромѣ главныхъ эпизодовъ, знакомыхъ ему съ дѣтства, такъ какъ разсказъ былъ основанъ на истинномъ происшествіи. Гладстонъ, говоря съ величайшею похвалою о «Ламермурской невѣстѣ», обращаетъ особенное вниманіе на искусство, съ которымъ В. Скоттъ сумѣлъ наряду съ глубокимъ трагическимъ элементомъ представить веселый юморъ и комизмъ, выраженные въ личности Калеба Бальдерстона, одного изъ лучшихъ созданныхъ авторомъ типовъ. Третья серія «Разсказовъ моего хозяина» заключаетъ еще другую повѣсть: «Легенду о Монтрозѣ».

Въ 1820 году вышелъ «Айвенго», который многими считается величайшимъ произведеніемъ В. Скотта, какъ по историческому значенію, такъ и по художественности исполненія. Съ его появленіемъ литературная слава автора достигла своей высшей точки. Изданные затѣмъ «Монастырь» и «Аббатъ» имѣли гораздо меньшій успѣхъ, можетъ быть вслѣдствіе того, что авторъ ввелъ въ нихъ фантастическій элементъ. «Замокъ Кенильвортъ» и «Квентинъ Дорвардъ» однако подняли репутацію В. Скотта на прежнюю высоту; послѣдній романъ особенно читался во Франціи, такъ какъ въ немъ изображена эпоха Людовика XI. Остальные романы, вышедшіе до 1825 года, гораздо слабѣе; «Судьба Нейджеля» и «Певериль Пикъ» относятся къ исторіи Англіи, — «Обрученница» и «Галисманъ» къ эпохѣ Крестовыхъ походовъ; въ «Пиратѣ» мы находимъ картины быта Шотландскихъ острововъ, а «Редгонтлетъ» и «С. Ронанскій источникъ» описываютъ современную автору жизнь. Въ «Редгонтлетѣ» много любопытныхъ свѣдѣній о юности автора. Прибавимъ, что читатели приняли очень холодно оба послѣдніе романа.

Популярность В. Скотта была неслыханная. Ни одинъ авторъ романовъ до того времени не пользовался подобною славою и, несмотря на это, онъ сумѣлъ на нѣкоторое время сохранить тайну своего имени. Въ предисловіи къ общему собранію своихъ романовъ авторъ объа-

снять, почему сдѣлалъ это: во-первыхъ, онъ сначала боялся пошатнуть свою поэтическую извѣстность неудачною попыткою въ новой литературной отрасли,—во-вторыхъ, считалъ несомнѣстнымъ званіе романиста съ своимъ общественнымъ и служебнымъ положеніемъ и къ тому-же не терпѣлъ разговоръ о собственныхъ литературныхъ трудахъ. Нужно сказать, что интересъ, возбужденный таинственнымъ авторомъ «Вэверлея», былъ настолько великъ, что вызвалъ появленіе множества статей и цѣлыхъ сочиненій, занимавшихся разсмотрѣніемъ вопроса о томъ, кто такой «Великій неизвѣстный». Называли то брата автора, Томаса Скотта, то товарищей его Эрскина и Элисса, то критика Джеффера и многихъ другихъ. Между тѣмъ на континентѣ имя его уже выставилось на переводахъ его сочиненій.

Литературная дѣятельность В. Скотта въ этотъ періодъ его жизни не ограничивалась одними романами. Онъ издавалъ различные историческіе матеріалы, писалъ критическія статьи въ журналахъ, давалъ обзоры современныхъ историческихъ событій въ «Эдинбургскомъ Ежегодникѣ», принималъ участіе въ «Британской Энциклопедіи», составилъ біографію Смоллета, Стерна и др. англійскихъ писателей и сочинилъ двѣ драмы—«Голидонская гора» и «Макдуфскій крестъ», за которыя восторженные поклонники превозносили его, между тѣмъ какъ даже Локгартъ находить ихъ плохими. Подъ заглавіемъ «Письма Павла къ родственникамъ», В. Скоттъ описалъ свою поѣздку во Францію въ 1815 году послѣ сраженія при Ватерло. Письма эти отличаются безыскусственнымъ, откровеннымъ тономъ и были сначала адресованы женѣ и друзьямъ. Хотя авторъ является въ нихъ одностороннимъ англичаниномъ-торіемъ, они тѣмъ не менѣе изобилуютъ интересными историческими анекдотами и мѣстами весьма юмористичны.

Втеченіе описываемаго въ «Письмахъ Павла» пребыванія В. Скотта въ столицѣ Франціи союзные государи и ихъ полководцы оказали ему большое вниманіе, и онъ

впослѣдствіи любилиъ разсказывать о своемъ свиданіи съ императоромъ Александромъ I. Онъ былъ представленъ государю на обѣдѣ у лорда Каткарта и тамъ-же познакомился съ атаманомъ Платовымъ, который, хотя и не могъ объясняться съ нимъ ни на одномъ языкѣ, но тѣмъ не менѣе очень его полюбилъ и приглашалъ выѣхать съ нимъ на слѣдующій парадъ, обѣщая дать ему самую смиРНую украинскую лошадь.

Блюхеръ тоже оказалъ ему большія любезности, но это не помѣшало В. Скотту очень насмѣшливо отзываться о пруссакахъ. Вообще въ этотъ періодъ своей жизни В. Скоттъ могъ назваться вполне счастливымъ человекомъ. Помимо самыхъ благопріятныхъ семейныхъ обстоятельствъ на его долю выпали почетъ, слава и наконецъ давно желанное богатство. Какъ секретарь уголовного суда, онъ получалъ 1300 ф. ст., какъ шерифъ—300 и выручалъ за свои сочиненія не менѣе 10000 ф. ст. въ годъ. Давно лелѣя мечту основать особую отрасль древняго рода Скоттовъ и достигнуть положенія средневѣковаго вождя шотландскаго клана, онъ сталъ скупать разныя помѣстья, покинулъ скромный Ашестель и переселился на берега Твида въ имѣніе, которое назвалъ Абботсфордомъ (т. е. Бродомъ аббата) въ честь сосѣдняго брода на Твидѣ и Мельрозскаго аббатства. Мало по малу В. Скоттъ скупилъ всѣ сосѣднія земли у мелкихъ собственниковъ, которые, пользуясь его добротою и щедростію, продавали ему голые пустыри за баснословныя цѣны. Онъ съ любовью устраивалъ свое новое жилище, которое, по словамъ Локгарта, сдѣлалось чѣмъ-то вродѣ литературной Мекки, куда стекались принцы, аристократы и литераторы—англійскіе и иностранные.

Въ 1818 году принцъ-регентъ пожаловалъ романисту титулъ баронета и тѣмъ отчасти удовлетворилъ его феодальныя мечты. Абботсфордъ до настоящаго времени сохранился безъ всякаго измѣненія. Это замокъ съ безконечными шпицами, башенками и балконами; вокругъ стоятъ роскошныя лѣса, посаженные поэтомъ въ дотолѣ

бесплодной мѣстности. Все внутри дома сберегается потомками В. Скотта въ томъ видѣ, въ какомъ было при немъ: оружіе и картины остались въ прежнемъ порядкѣ, книги стоятъ на тѣхъ же мѣстахъ въ библіотекѣ, заключающей до 70000 томовъ. Въ бывшемъ рабочемъ кабинетѣ поэта, въ нишѣ подъ стекляннымъ колпакомъ, хранится одежда, которую онъ носилъ передъ смертью: широкій зеленый сюртукъ съ большими пуговицами, клѣтчатые панталоны, тяжелые башмаки, шляпа съ большими полями и толстая трость. Въ Абботсфордѣ В. Скоттъ проводилъ большую часть года, и жизнь семьи здѣсь была такая же, какъ и въ Ашестьелѣ, т. е. носила вполне семейный, патриархальный характеръ.

Знаменитый американскій писатель Вашингтонъ Ирвингъ, сочиненія котораго В. Скоттъ высоко цѣнилъ, посѣтилъ Абботсфордъ въ 1817 году и слѣдующимъ образомъ описываетъ свою поѣздку. «Шумъ моего экипажа нарушилъ спокойствіе усадьбы. Раньше всѣхъ выскочилъ сторожъ замка, черная борзая, и вскочивъ на камни ограды, поднялъ свирѣпый лай. Эта тревога вызвала наружу цѣлый бѣшено лающій собачій гарнизонъ. Вскорѣ показался самъ хозяинъ. Я сразу узналъ романиста, такъ какъ видѣлъ его портреты. Онъ, прихрамывая, шелъ по песчаной аллеѣ, опираясь на здоровую трость, но двигаясь быстро и энергично. Около него шла большая охотничья собака стального цвѣта; она вела себя совершенно степенно, не принимала участія въ шумѣ, производимомъ ея собратьями, и повидимому считала, что должна поддержать честь дома и вѣжливо встрѣтить меня.—Еще не доходя до воротъ, Скоттъ крикнулъ мнѣ радушнымъ голосомъ привѣтствіе и освѣдомился о Кэмпблѣ (давшемъ Ирвингу рекомендацію къ В. Скотту). Подходя къ дверцѣ экипажа, онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «Подъѣзжайте-же скорѣе къ дому, вы какъ разъ поспѣли къ завтраку, а послѣ вы увидите всѣ чудеса Мельрозскаго аббатства». Я отказался-было идти за столъ на томъ основаніи, что уже завтракалъ. «Нѣтъ, нѣтъ, постоитъ», пере-

билъ Скоттъ: «утренняя поѣздка по шотландскимъ холмамъ даетъ полное право завтракать во второй разъ». Согласно этому меня быстро подвезли къ дому, и чрезъ нѣсколько минутъ я уже сидѣлъ за столомъ. Не было никого кромѣ семьи Скотта, состоявшей изъ госпожи Скоттъ, старшей дочери Софiи—красивой дѣвушки лѣтъ семнадцати, Анны, моложе ея на два-три года, подростка Вальтера и Чарльза, веселаго мальчика одиннадцати или двѣнадцати лѣтъ.—Я скоро почувствовалъ себя какъ дома и отъ души счастливымъ, благодаря радушію хозяевъ. Мнѣ хотѣлось просто сдѣлать утренній визитъ, но скоро стало ясно, что меня отпустить не такъ легко. «Вы не должны думать, что осмотрѣть наши окрестности такъ же легко, какъ просмотрѣть утромъ газету», сказалъ Скоттъ. «Онѣ требуютъ нѣсколькихъ дней изученія отъ наблюдательнаго путешественника, питающаго извѣстную слабость къ старосвѣтскому хламу. Послѣ завтрака вы посѣтите Мельрозское аббатство; мнѣ нельзя пойти съ вами, такъ какъ у меня есть кое-какія хозяйственныя дѣла, но я поручу васъ моему сыну Чарльзу: онъ глубокій знатокъ всего, что касается старой развалины и ея окрестностей. Онъ и мой другъ Джонни Бауэръ скажутъ вамъ всю правду о ней и еще очень многое, чему вы не обязаны вѣрить, если вы не истинный и ни въ чемъ не сомнѣвающійся антикварій. Когда вы вернетесь, мы пойдемъ съ вами побродить по сосѣдству. Завтра мы осмотримъ Ярроу, а послѣ завтра съѣздимъ въ Драйбургскую обитель, прекрасную старую развалину, стоящую осмотра». Однимъ словомъ, Скоттъ еще не успѣлъ окончить изложенія всѣхъ своихъ плановъ, какъ я уже обѣщалъ остаться на нѣсколько дней и мнѣ казалось, что я сразу очутился въ заколдованномъ царствѣ романтизма».

Послѣ завтрака, въ то время какъ В. Скоттъ по всей вѣроятности писалъ главу изъ Робъ Роя, Ирвингъ въ обществѣ Чарльза осмотрѣлъ Мельрозское аббатство и долго разговаривалъ со старикомъ Бауэромъ, сторо-

жемь его, который съ удовольствіемъ дѣлился своими свѣдѣніями съ друзьями шерифа. «Онъ иногда приходитъ сюда», рассказывалъ Джонни: «въ обществѣ важныхъ господъ и тотчасъ зоветъ: «Джонни, Джонни Бауэръ!» и когда я выхожу къ нимъ, я навѣрно знаю, что онъ встрѣтитъ меня шуткой и ласковымъ словомъ. Онъ будетъ стоять и болтать со мной и шутить не хуже деревенской кумушки—и подумайте, это вѣдь чловѣкъ съ такимъ страшнымъ знаніемъ исторіи!»—По возвращеніи изъ жбатства Ирвингъ нашелъ В. Скотта уже готовымъ къ прогулкѣ. «Когда мы пошли, пишетъ онъ, всѣ собаки помѣстья явились, чтобы сопровождать насъ».

«Домашнія животныя Скота были его друзьями. Все, что его окружало, повидимому, наполнялось радостью въ его присутствіи. Когда мы пришли на холмы, откуда видна была значительная часть окрестностей, В. Скоттъ сказалъ: «Теперь я привелъ васъ, какъ странника въ «Путешествіи пилигрима» Буніана, на вершину горъ наслажденія, чтобы показать вамъ всѣ эти прекрасныя мѣста....» Я нѣкоторое время смотрѣлъ вокругъ себя съ нѣмымъ изумленіемъ, могу почти сказать съ разочарованіемъ. Все пространство, которое могъ обнять мой взоръ, состояло изъ непрерывнаго ряда волнистыхъ холмовъ; вся мѣстность была однообразна и совершенно безлѣсна.

«Я не могъ не выразить своихъ мыслей вслухъ. Скоттъ что-то пробормоталъ про себя и серьезно взглянулъ на меня... «Это можетъ быть упрямство съ моей стороны», сказалъ онъ наконецъ «но я продолжаю утверждать, что на мой взглядъ эти сѣрые холмы и вся эта дикая порубежная страна обладаетъ своеобразною красотою. Я люблю самую безлѣсность этой мѣстности; она открыта, сурова и уединена. Послѣ того, какъ приходится проходить нѣсколько времени среди прекрасныхъ окрестностей Единбурга, похожихъ на роскошныя сады, я начинаю тосковать по моимъ убогимъ, сѣрымъ холмамъ; и еслибы я не повидалъ вереска хоть разъ втеченіе года, мнѣ кажется, я бы умеръ».

Время отъ времени въ Абботсфордѣ давались сельскіе праздники, куда собирались окрестные жители и всѣ члены фамиліи Скоттовъ, отъ поселянина до герцога. Среди увеселеній первое мѣсто занимала Абботсфордская охота, происходившая ежегодно въ день рожденія старшаго сына. Въ ней тоже принимали участіе всѣ сосѣди, и за столъ садилось не менѣе тридцати или сорока человѣкъ; время проходило въ шумномъ весельѣ, въ которомъ самъ хозяинъ принималъ живѣйшее участіе. Еще веселѣе были праздники послѣ жатвы, справлявшіеся по всѣмъ правиламъ древняго феодальнаго этикета. Бывали тамъ и аристократическія празднества по поводу пріѣзда какихъ либо знаменитостей, напр. принца шведскаго Густава Вазы, принца Саксенъ-Кобургскаго и друг.; но настоящій балъ данъ былъ только одинъ разъ, по случаю окончательнаго устройства Абботсфорда и помолвки старшаго сына сэра Вальтера Скотта. Въ Эдинбургѣ В. Скоттъ, несмотря на свою славу и богатство, велъ ту же жизнь, какъ и прежде: исполнялъ ревностно обязанности секретаря уголовного суда, занимался литературою, а свободное время посвящалъ обществу. Въ числѣ его друзей были его издатели Балавтайны и Констэбль, но кругъ его знакомства не ограничивался одними литераторами, сослуживцами и родственниками. Съ нимъ старались сблизиться представители самыхъ высшихъ слоевъ общества. Такъ, во время своей поѣздки въ Парижъ, онъ познакомился съ герцогомъ Веллингтономъ, который всегда затѣмъ оказывалъ ему дружеское вниманіе. Что касается В. Скотта, то онъ, какъ горячій патріотъ—торій, чуть не поклонялся великому полководцу. Точно такъ-же принцъ-регентъ, впослѣдствіи король Георгъ IV, очень цѣнилъ В. Скотта и предложилъ ему титулъ поэта—лавреата (придворнаго поэта), съ жалованьемъ въ 400 ф. ст.,—но романистъ отказался отъ него, въ виду стѣсненнаго матеріальнаго положенія многихъ другихъ литераторовъ, и предложилъ на эту должность поэта Соуги. Въ числѣ извѣстныхъ писателей, бывшихъ друзьями В. Скотта,

нужно еще назвать Крабба, Вордсворта, Мура и Байрона. Сначала Скоттъ и Байронъ были его соперниками и даже вели между собой литературную полемику, но впоследствии они познакомились въ Лондонѣ и весьма близко сошлись, несмотря на то, что одинъ былъ добродушнымъ оптимистомъ, а другой страстнымъ и желчнымъ пессимистомъ. Впоследствии друзья всегда отзывались одинъ о другомъ съ симпатіей и уваженіемъ.

Послѣднюю поѣздку свою въ Лондонъ В. Скоттъ предпринялъ въ 1821 году, по случаю коронаціи принца-регента. Эта церемонія была совершена съ величайшимъ феодальнымъ великолѣпіемъ и порадовала сердце потомка древнихъ рыцарей. Когда Георгъ IV пріѣхалъ въ 1822 году въ Эдинбургъ, В. Скоттъ былъ главнымъ распорядителемъ блестящей встрѣчи, устроенной для него жителями. В. Скоттъ втеченіе всей своей жизни относился съ величайшимъ уваженіемъ и преданностью къ своему королю, и по мѣрѣ того, какъ король становился консервативнѣе, можно было наблюдать такое-же усиленіе консерватизма и въ романистѣ. Прибавимъ, что В. Скоттъ вообще мало занимался политикою, а если ему и случалось касаться ея, то онъ всегда высказывался какъ крайній консерваторъ.

Въ 1825 году старшій сынъ романиста, поступившій въ военную службу, женился и переѣхалъ съ женою въ Дублинъ, гдѣ стоялъ его полкъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ того-же года В. Скоттъ съ дочерью Анною и Логкардомъ, уже нѣсколько лѣтъ женатымъ на старшей его дочери Софіи, поѣхалъ въ Ирландію съ цѣлью посѣтить сына и проѣхать по нѣкоторымъ изъ живописныхъ Ирландскихъ графствъ. Два мѣсяца, проведенные имъ въ Ирландіи, были, по его собственнымъ словамъ, нескончаемой оваціей, особенно въ Дублинѣ, гдѣ всѣ, отъ лорда-намѣстника до послѣдняго лавочника, наперерывъ старались выразить уваженіе и симпатію великому англійскому романисту.

ГЛАВА IV.

1825—1830.

Банкротство Балантайна и Констэбля. — Разореніе В. Скотта. — Семейныя печали. — Смерть лэди Скоттъ.

Путешествіемъ въ Дублинъ оканчивается счастливая эпоха въ жизни В. Скотта. Все его богатство, все его феодальное величіе, какъ главы Скоттовъ, оказалось основаннымъ на пескѣ и рухнуло вслѣдствіе страшнаго коммерческаго кризиса, разразившагося въ Англіи въ 1825 году. Прежде всего обанкрутились агенты Констэбля, книгопродавцы Гертъ и Робинзонъ; затѣмъ Констэбль и Джэмсъ Балантайнъ — Джонъ Балантайнъ не задолго передъ тѣмъ умеръ. Это было сильнымъ и совершенно неожиданнымъ ударомъ для романиста, который сначала однако еще надѣялся на счастливый исходъ дѣла. Мы приводимъ ниже выписки изъ его дневника, что лучше всего покажетъ, какимъ образомъ онъ отнесся къ собравшейся надъ его головою грозѣ. 14-го декабря 1825 года онъ еще занимаетъ 10000 ф. ст. подъ помѣстье и отдаетъ ихъ фирмѣ для поддержанія ея дѣлъ, надѣясь этимъ все поправить и получить возможность спокойно спать.

«18-го декабря.» — Если дѣла пойдутъ дурно въ Лондонѣ, то жезлъ чародѣя выпадетъ изъ рукъ неизвѣстнаго. Его тогда по истинѣ назовутъ «слишкомъ хорошо извѣстнымъ». Сказочный пиръ фантазіи исчезнетъ вмѣстѣ съ чувствомъ независимости. У него отнимется радостная увѣренность, что утромъ онъ можетъ просыпаться съ веселыми мыслями и спѣшить передать ихъ бумагѣ; ему

невозможно уже будетъ подводить каждый мѣсяць итогъ этимъ мыслямъ, какъ средствамъ для насажденія лѣсовъ и покупки пустырей, замѣняя сказочныя мечты другими мечтами о будущихъ прогулкахъ по глухимъ рощамъ къ уединеннымъ источникамъ и мѣстамъ, которыя дороги влюбленнымъ. Этого больше не будетъ; но я могу заняться степеннымъ хозяйственнымъ дѣломъ, т. е. писать исторію и тому подобное. Такіе труды не встрѣтятъ прежняго восторженнаго отношенія; вообще мое мнѣніе таково: если узнаютъ, что авторъ принужденъ писать для зарабатыванія куска хлѣба, или во всякомъ случаѣ для улучшенія своего матеріальнаго положенія, то это унижить его и его произведенія въ глазахъ публики. Ему уже не стануть оказывать прежняго уваженія. Это—горькая мысль но если она вызываетъ слезы, то пусть онѣ льются. Мое сердце связано съ созданнымъ мною помѣстьемъ—едвали есть тамъ хоть одно дерево, которое не я бы посадилъ. Что за жизнь была моя! — Полуобразованный, почти совершенно предоставленный самому себѣ, я набивалъ свою голову всякимъ вздоромъ, и товарищи долго цѣнили меня меньше, чѣмъ я того стоилъ. Затѣмъ я пошелъ впередъ, и меня считали смѣлымъ и умнымъ малымъ, вопреки всѣмъ тѣмъ, кто видѣлъ во мнѣ только мечтателя; втеченіе двухъ лѣтъ страдалъ я душою и хотя потомъ излечился, но старыя раны будутъ отзываться до могилы. Не одинъ—разъ поочередно богачъ и нищій—я наканунѣ разоренія открылъ почти неизсякаемый источникъ богатства. Теперь, на вершинѣ гордости, я разбитъ и почти совершенно обезоруженъ—если не получится хорошихъ извѣстій—и все только потому, что Лондону угодно волноваться... И вотъ въ свалкѣ буйволовъ и медвѣдей бѣдный кроткій левъ не знаетъ, куда дѣться.

«Чѣмъ это кончится? Богъ одинъ знаетъ—другого отвѣта нѣтъ. Въ концѣ концовъ никто по моей винѣ не потеряетъ ни одного пенни—это мое утѣшеніе. Люди подумаютъ, что гордость по справедливости наказана. Пусть они въ своей гордости утѣшаются мыслью, что

мое паденіе сдѣлаетъ ихъ выше или дастъ имъ возможность хоть казаться высшими. Мнѣ же будетъ служить удовлетвореніемъ мысль, что мое благосостояніе принесло выгоды многимъ, и надежда, что хотя нѣкоторые простятъ мнѣ мое временное богатство за чистоту моихъ намѣреній и за искренность моего желанія дѣлать добро бѣднымъ. Многія сердца опечалятся въ коттѣджахъ Абботсфорда. Я наполовину рѣшился никогда не возвращаться туда. Какъ могу я войти въ мой домъ послѣ такого униженія?—Какъ жить запутавшимся въ долгахъ бѣднякомъ тамъ, гдѣ я былъ нѣкогда такъ богатъ и уважаемъ? Я долженъ былъ вернуться туда въ субботу—веселый и счастливый и хотѣлъ принимать тамъ друзей своихъ. Мои собаки напрасно будутъ ждать меня. Это ребячество—но мысль разстаться съ этими безсловесными тварями болѣе разстроила меня, чѣмъ всѣ только что записанныя печальныя размышленія. Бѣдныя животныя, нужно подыскать имъ хорошихъ хозяевъ! Можетъ быть найдутся люди, которые, любя меня, будутъ любить и моихъ собакъ за то, что они были моими. Но мнѣ необходимо покончить съ этими мрачными предчувствіями—или я потеряю то душевное настроеніе, съ которымъ человѣкъ обязанъ встрѣчать горе. Мнѣ кажется, что я чувствую, какъ моя собака кладетъ мнѣ лапу на колѣно—мнѣ слышится вой, съ которымъ она ищетъ меня повсюду. Это вздоръ, конечно—но добрыя твари продѣлали-бы все это, если-бы могли понимать настоящее положеніе вещей. Мнѣ приходитъ въ голову странная мысль: когда я умру, будетъ ли вынуть дневникъ этотъ изъ роскошной конторки въ Абботсфордѣ и прочитавъ съ удивленіемъ, что богатый баронетъ когда-то испыталъ страхъ такого удара,—или его найдутъ въ какойнибудь бѣдной мебелированной квартиркѣ, гдѣ обѣднѣвшій потомокъ рыцарей повѣсилъ свой гербъ и гдѣ два-три старыхъ друга грустно посмотрятъ одинъ на другого и прошепчутъ: «Бѣдный человѣкъ съ добрыми намѣреніями... Врагъ только самому себѣ... Надѣялся, что у него неизсякаемый источ-

никъ... Зачѣмъ только онъ принялъ этотъ глупый титулъ?» Кто можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ? Бѣдный Вилль Лэдлоу! Бѣдный Томъ Пурди! Отъ такихъ извѣстій заболитъ сердце у васъ и у многихъ другихъ бѣдняковъ, которымъ мое благосостояніе давало насущный хлѣбъ.... Балантайнъ поступаетъ такъ, какъ того можно было ожидать, и меньше думаетъ о своихъ потеряхъ, чѣмъ о моемъ разореніи. Я старался обогатить его—а теперь, теперь все пойдетъ прахомъ. Но у него останется журналъ—это утѣшительно. Навѣрно имъ не найти лучшаго издателя. *Имъ*, кто будутъ эти *они*, эти неизвѣстные новые правила, которымъ дастся право располагать, какъ имъ будетъ угодно, всѣмъ, что мнѣ принадлежитъ. Какойнибудь сухой банкиръ—ктонибудь изъ этихъ обладателей милліоновъ!—Я попытался отдѣлаться отъ этихъ печальныхъ мыслей, записывая ихъ; я успокоюсь еще больше, принявшись за «Исторію французскаго Конвента». Благодарю Бога, что могу работать съ разумнымъ спокойствіемъ. Какъ-то Анна перенесетъ это несчастье? Она горяча, но тверда въ серьезныхъ обстоятельствахъ, хотя раздражительна въ мелочахъ. Мнѣ пріятно, что Логкартъ и его жена уѣхали. Не могу сказать—почему, но я радъ, что мнѣ придется переживать мое горе въ одиночествѣ и что никто не разстроитъ меня соболѣзнованіями, какъ бы искренни и нѣжны они не были.—*Половина девятого.* Я закрылъ эту тетрадь въ ожиданіи грозящаго мнѣ разоренія. Черезъ часъ я открываю ее (благодаря Бога) съ надеждою, что все устроится благополучно и честно въ коммерческомъ смыслѣ. Каделль пріѣхалъ въ восемь и прочелъ письмо отъ Герста и Робинзона, извѣщающее, что они выдержали грозу....

19-го декабря.—Балантайнъ былъ здѣсь передъ завтракомъ. Онъ съ довѣріемъ относится къ вчерашнимъ новостямъ. Констэбль зашелъ и просидѣлъ съ часъ. Старый джентльменъ твердъ, какъ скала. Онъ хочетъ на будущей недѣлѣ ѣхать въ Лондонъ. Надо однако сѣсть за работу.

22-го декабря.—Я написалъ вчера шесть мелко испи-

саннхъ страницъ, что составитъ около двадцати четырехъ страницъ печатныхъ. Но всего лучше то, что онъ удачны.... Напѣвъ одной народной пѣсни звучить у меня сегодня цѣлый день въ ушахъ, и я передъ обѣдомъ написалъ стихи для него.... Интересно было бы знать—хороши ли они... Ахъ, бѣдный Вилль Эрскинъ, ты могъ бы мнѣ сказать это и сказалъ-бы... Не знаю, что могло заставить меня совершить нѣчто столь необычное для меня за послѣдніе годы, именно по собственной волѣ написать стихи. Я думаю, что это совершилось по тому-же импульсу, по которому птицы поютъ, когда пройдетъ гроза.

24-го декабря. У Констэбля новый планъ: издать сочиненія автора Вэверлея болѣе роскошно. Онъ говоритъ, что можетъ заработать на этомъ до 20,000 ф. ст. и щедро предлагаетъ мнѣ какую угодно долю въ барышахъ. Я не имѣю особенныхъ правъ на нихъ, такъ какъ мнѣ придется написать только примѣчанія, что не особенно трудно; въ то-же время полчка нѣсколькихъ тысячъ была-бы хорошимъ дѣломъ. ..

14-го января. Получено странное, таинственное письмо отъ Констэбля, уѣхавшаго въ Лондонъ на почтовыхъ. Оно похоже на одно изъ тѣхъ писемъ, которыя люди пишутъ, когда хотятъ намекнуть на грозящую неприятность, но не высказаться о ней прямо. Я думалъ, что онъ двѣ недѣли тому назадъ былъ въ Лондонѣ, чтобы распорядиться имуществомъ для уплаты по обязательствамъ, какъ и долженъ былъ сдѣлать. Хорошо, я принужденъ быть терпѣливымъ... Но этотъ страхъ очень томителенъ... Письмо отъ Балантайна упоминаетъ о поѣздкѣ Констэбля, но не выражаетъ особенныхъ опасеній. Онъ хорошо знаетъ Констэбля, видѣлъ его передъ отъездомъ и не сомнѣвается въ томъ, что онъ сѣмѣетъ разобрать все, что бы тамъ ни было запутаннаго. Поэтому я не стану безпокоиться. Я увѣренъ, что сѣмѣю не поддаться тревогѣ. Я не вижу, почему съ Божьей помощью нельзя отогнать тревожныхъ мыслей, предвѣщающихъ зло, но не поправляющихъ его!»

Въ Лондонѣ Констэбль не могъ ничего сдѣлать. Герстъ и Робинзонъ были не въ состояніи выдержать, не смотря даже на помощь Констэбля, который бѣсился, бросался изъ одного банка въ другой за ссудой подъ изданія и просилъ В. Скотта занять для него въ Единбургѣ 20,000 фунтовъ и переслать ихъ въ Лондонъ. Но раньше еще, чѣмъ эта просьба дошла до романиста, компаньонъ Констэбля откровенно признался ему, что дѣла фирмы окончательно и безнадежно разстроены.

Мистеръ Скинь рассказывалъ потомъ Логкарту, что въ тотъ вечеръ, когда В. Скоттъ узналъ о несостоятельности Герста и Робинзона, онъ обѣдалъ у него и находился повидимому въ своемъ обыкновенномъ расположеніе духа, причемъ велъ веселую, непринужденную бесѣду о разныхъ предметахъ; но при прощаніи романистъ прощенталъ хозяину: «Скинь, мнѣ нужно кое о чемъ переговорить съ вами; будьте столь добры и загляните ко мнѣ завтра, когда будете отправляться въ парламентъ». На слѣдующій день, въ половинѣ десятаго утра, Скинь заѣхалъ къ В. Скотту и засталъ его за работою въ кабинетѣ. Онъ всталъ при входѣ гостя и сказалъ. «Другъ мой, пожмите мнѣ руку—руку нищаго».

В. Скоттъ рассказалъ ему также, что Балантайнъ только что былъ и сообщилъ ему о полномъ и неминуемомъ ихъ разореніи; затѣмъ онъ прибавилъ: «Не думайте, что я засяду дома и въ бездѣйствіи буду горевать о томъ, чему нельзя помочь. Я работалъ надъ «Вудстокомъ», когда вы вошли, и тотчасъ-же снова возьмусь за перо, какъ только вернусь изъ суда. Я намѣреваюсь опять обѣдать съ вами въ воскресенье и надѣюсь сообщить вамъ, что моя работа подвинулась». И дѣйствительно, втеченіе слѣдующихъ дней онъ написалъ почти полъ-книги.

Когда подвели итоги долгамъ фирмы Балантайна, то оказалось, что сумма ихъ дошла до 117,000 ф. ст. при этомъ ствѣтственнымъ лицомъ являлся одинъ только В. Скоттъ, такъ какъ Балантайнъ не имѣлъ никакого состоянія. Констэбль оказался должнымъ еще большую сумму.

Еслибы В. Скоттъ согласился поступить чисто коммерческимъ образомъ и объявить себя несостоятельнымъ, то по продажѣ его собственности его кредиторы получили бы гораздо большій процентъ, чѣмъ кредиторы Констэбля; самъ романистъ освободился бы отъ всякихъ долговъ и могъ бы опять нажать себѣ большое состояніе. Но В. Скоттъ не могъ никогда забыть, что онъ прежде всего «джентльменъ», поэтому онъ рѣшился заплатить все, до послѣдняго гроша, и только попросилъ кредиторовъ дать ему нѣсколько лѣтъ отсрочки. Со всѣхъ сторонъ ему предлагали денежную помощь. Старшій сынъ и невштка отдавали ему все свое состояніе; эдинбургскіе и лондонскіе банкиры также высказали готовность помочь романисту; неизвѣстное лицо открыло ему кредитъ въ 30000 ф. ст. Глубоко тронулъ бѣднаго поэта мистеръ Пуль, учитель музыки его дочери, который принесъ ему всѣ свои сбереженія, равнявшіяся 500 ф. ст. Но какъ бы тамъ ни было, В. Скоттъ не принялъ ни одного изъ этихъ предложеній и на всѣ давалъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ: «Я не возьму въ долгъ ни одного пени, а уплачу все—или умру за работою» Кредиторы съ своей стороны уже черезъ нѣсколько дней начали высказываться въ смыслѣ благопріятномъ для должника, и В. Скоттъ ожилъ при мысли, что его предложеніе будетъ принято. Дневникъ его за это время заключаетъ весьма трогательныя страницы, посвященныя воспоминаніямъ о жизни послѣднихъ лѣтъ. Не одно теплое слово сказано о служащихъ и о простомъ народѣ, съ которымъ, какъ землевладѣлецъ, онъ постоянно имѣлъ дѣло. Не разъ упоминаетъ онъ также объ отрадѣ и успокоеніи, доставляемыхъ ему работою.

24-го января. Я сегодня въ первый разъ (послѣ того, какъ узналъ о своемъ разореніи) отправился въ судъ и мнѣ казалось, что всѣ заняты только мною и моими бѣдами. Безъ сомнѣнія, многіе думали обо мнѣ и всѣ повидимому съ сожалѣніемъ; нѣкоторые были очевидно огорчены. Замѣчательно, какъ различны способы, которыми люди стараются выразить мнѣ свое сочувствіе. Иные улы-

бались, здороваясь со мною, точно хотѣли сказать: «не думай объ этомъ, другъ мой! мы совершенно забыли обо всемъ». Другіе привѣтствовали меня съ тою напускною серьезностью, которая такъ противна на похоронахъ. Самые благовоспитанные — все они видимо сочувствовали мнѣ — просто пожали мнѣ руку и ни объ чемъ не распространялись. — Если меня будутъ тѣснить и примутъ судебныя мѣры, я долженъ буду употребить все средства законной защиты и объявить себя несостоятельнымъ. Во всякомъ случаѣ это ходъ дѣла, который я посоветовалъ бы клиенту. Но на судѣ чести я за такой поступокъ заслужилъ бы потерять свои баронетскія шпоры. Нѣтъ, если они только согласятся — я готовъ быть ихъ вассаломъ на всю жизнь и добывать изъ рудника моего воображенія драгоцѣнные камни не для собственнаго обогащенія, а для того, чтобы уплатить по моимъ обязательствамъ. И это не потому, чтобы я питалъ отвращеніе отъ названія «несостоятельный» — мнѣ его, повсей вѣроятности, уже даютъ, — но потому, что не хочу лишить моихъ кредиторовъ тѣхъ матеріальныхъ выгодъ, которыя могу доставить имъ помощью еще сохранившихся у меня умственныхъ и литературныхъ силъ».

Извѣстія, получаемыя В. Скоттомъ относительно его дѣлъ, становились съ каждымъ днемъ все тревожнѣе. Выяснилось, что долги были гораздо многочисленнѣе, чѣмъ это казалось сначала. Отъ В. Скотта требовали не менѣе 130000 ф. ст. (1½ милліона руб.). Тяжелые дни приходилось переживать бѣдному романисту. Одно время онъ былъ вполне увѣренъ, что ему придется лишиться не только Абботсфорда и остальнаго имуществва, но даже проститься съ свободою. Это казалось ему всего ужаснѣе, какъ онъ упоминаетъ въ своемъ дневникѣ, потому что заключеніе въ долговой тюрьмѣ уничтожило-бы силу его фантазію и лишило-бы возможности работать и помочь заработкомъ себѣ и другимъ. Однако все въ концѣ концовъ уладилось, и общее собраніе кредиторовъ рѣшило оставить Абботсфродъ во владѣніи романиста. Онъ-же обя-

зался ограничить свои издержки казеннымъ жалованьемъ и отдавать кредиторамъ весь свой заработокъ и все, что получить отъ продажи остального своего имущества.

Согласившись на это, В. Скоттъ тотчасъ приступилъ къ точнѣйшему исполненію своихъ обѣщаній. Онъ продалъ свой эдинбургскій домъ, поселилъ семейство въ Аботсфордъ, нанялъ для своихъ дѣловыхъ пріѣздовъ въ городъ скромную квартиру и началъ безъ усталы работать:—иногда онъ по двѣнадцати часовъ сряду не отходилъ отъ своей конторки, забывая общество, отказывая себѣ во всемъ, даже въ прогулкѣ. Издержки свои поэтъ ограничилъ до минимума. Въ это время ему минуло пятьдесятъ пять лѣтъ. О выѣздѣ изъ эдинбургскаго дома много разъ упоминается въ дневникѣ В. Скотта. Въ одномъ мѣстѣ говорится: «Съ печалью оставляю я здѣсь нѣкоторыя гравюры и небольшія украшенія, которыми нѣкогда гордилась лэди Скоттъ; но теперь она равнодушна къ ожидающей ихъ судьбѣ, именно—быть проданными съ аукціона. Я-же никакъ не могу безучастно относиться къ предметамъ, когда-то имѣвшимъ для меня извѣстный интересъ, какъ бы ни были они сами по себѣ ничтожны. Но я радъ, что она, при плохомъ ея здоровьѣ и достаточномъ количествѣ другихъ заботъ, смотритъ на это иначе и не связываетъ никакихъ семейныхъ и домашнихъ воспоминаній съ предстоящею неприятною процедурою».

15-го марта. Сегодня утромъ я въ послѣдній разъ покидаю № 39 въ Кэстль Стритъ. «Хижина была удобна», и я привыкъ къ ней. Я вовсе не рассчитывалъ на перемѣну въ этомъ отношеніи, пока буду имѣть мѣсто въ судѣ. При всѣхъ своихъ прежнихъ перемѣнахъ жилища я всегда переходилъ отъ хорошаго къ лучшему—теперь наоборотъ. Покидаемый домъ предназначается къ продажѣ и я перестану быть эдинбургскимъ гражданиномъ въ смыслѣ домовладѣльца, чѣмъ отецъ мой и я были втеченіе по крайней мѣрѣ шестидесяти лѣтъ. Итакъ прощай, бѣдный № 39, желаю тебѣ никогда не оказывать гостепріимства худшимъ людямъ, чѣмъ ты, которые теперь покидаютъ

тебя. Чтобы не сразу оставить Лары въ полномъ одиночествѣ, лэди Скоттъ и Анна проживуть здѣсь до воскресенья. Что касается меня, то я, какъ сказано, уѣзжаю сегодня утромъ».

Несмотря на свои заботы, В. Скоттъ неутомимо трудился и писалъ около двухъ печатныхъ листовъ въ день, пока не окончилъ «Вудстока». Помимо этого онъ занимался еще и другими литературными работами: издалъ «Жизнь Кэмбля» и политическую брошюру, подъ заглавіемъ «Письма Малаки Малагровзера». Одинъ «Вудстокъ», написанный въ три мѣсяца, принесъ его кредиторамъ больше 8000 ф. ст., и В. Скоттъ началъ надѣяться, что въ неособенно далекомъ будущемъ совершенно раздѣляется съ долгами. Въ своемъ дневникѣ онъ замѣчаетъ, что посадилъ три дерева, по росту которыхъ будетъ судить объ ожидающемъ его успѣхѣ. Но мало по малу ежедневныя замѣтки его становятся печальны. Семейныя горести присоединяются къ матеріальнымъ невгодамъ. Любимый звукъ романиста, маленькій Джонни, медленно угасаетъ отъ неизлечимой болѣзни. Ему посвящено много задушевныхъ и горестныхъ строкъ. Но судьба готовитъ семьѣ новый ударъ. Здоровье лэди Скоттъ, всегда слабое, стало ухудшаться подъ вліяніемъ переживаемыхъ тревогъ.

28-го марта. Мы уже нѣкоторое время прожили въ уединеніи. Чувствуешь искушеніе допытаться у себя: по сердцу-ли такое крайнее одиночество? Могу по совѣсти отвѣтить—да! Я уже въ дѣтствѣ страстно любилъ уединеніе и подросткомъ убѣгалъ изъ людского общества, чтобы насладиться мечтами и воздушными замками... Такъ было до 18-лѣтняго возраста, пока въ моемъ сердцѣ не пробудилась любовь вмѣстѣ съ честолюбіемъ и другими страстями; тогда я пересталъ чуждаться общества, но по временамъ тѣмъ не менѣе уединялся, и даже съ радостью. Я пресыщенъ обществомъ и, за исключеніемъ одного или двухъ лицъ высоко интеллигентныхъ, остроуміе и юморъ которыхъ забавляютъ меня, я не имѣю желанія видѣть общества ни высшаго, ни низшаго, ни средняго. Къ этому чув-

ству не примѣшивается ни малѣйшаго оттѣнка человѣко-ненавистничества, на которое я смотрю, какъ на тяжкій грѣхъ. Если Господь терпитъ худшаго изъ насъ, то мы-то уже можемъ терпѣть одинъ другого. Когда мнѣ приходилось бывать въ обществѣ, я всегда старался доставлять удовольствіе окружающимъ меня людямъ. Но при всемъ томъ я предпочелъ бы жить въ уединеніи и желалъ бы, чтобы моя служба, во всѣхъ отношеніяхъ для меня удобная, не требовала моего присутствія въ Эдинбургѣ. Но такъ должно быть, а въ моей маленькой квартиркѣ я буду достаточно одинокъ.

1-го апрѣля. *Ex uno die discite omnes.* — Всталъ въ семь часовъ или еще раньше — занимался и писалъ до завтрака (въ обществѣ Анны), около десяти безъ четверти. Потомъ опять пишу и занимаюсь до часу. Въ это время я сегодня съѣздилъ въ Гентли-Борнъ и вернулся домой пѣшкомъ по живописнымъ тропинкамъ, проложеннымъ чрезъ лѣса, разведенные мною. По временамъ я болталъ съ Томомъ Пурди, который несъ мой плащъ; онъ имѣетъ право заговаривать со мною, когда ему вздумается, и сегодня рассказывалъ мнѣ длиннѣйшія охотничьи исторіи, происходившія лѣтъ двадцать тому назадъ. — Порой я предавался печальному или радостному раздумью, или слѣдилъ за выходками двухъ любопытныхъ крысолововъ и прекраснаго щенка волкодава. Такъ время прошло до той минуты, когда я сталъ писать эти строки. Дальше буду высказывать предположенія: я вѣроятно приду въ сонливое состояніе послѣ того, какъ закрою эту тетрадь, и можетъ-быть засну до обѣда. Затѣмъ я нѣсколько времени поболтаю съ лэди Скоттъ и Анной, съѣмъ немного бульона или супа и кусокъ просто зажареннаго мяса; это главное занятіе человѣка, по мнѣнію Джонсона, будетъ скоро покончено. Полчаса проведу съ семействомъ, полчаса побалуя себя сигарой, стаканомъ воды съ небольшимъ количествомъ виски и ромомъ; такъ время пройдетъ до чая, который займетъ еще полчаса вмѣстѣ съ болтовнею; послѣ этого опять за чтеніе и письмо въ

моей комнатѣ до десяти часовъ; наконецъ кусокъ хлѣба, стаканъ портера—и въ постель. Такимъ образомъ проходитъ моя жизнь, и она была бы пріятна, еслибы не опасенія за лэди Скоттъ и бѣднаго Джонни. Я думаю, что лэди Скоттъ поправится, но за Джонни боюсь—боюсь...

8-го апрѣля. Мы ожидаемъ сегодня утромъ вторженія цѣлой кучи гостей, которыхъ до нашего несчастья должны бы были пригласить къ обѣду. Матеріальныя невзгоды берегаютъ время, вино и деньги—въ этомъ отношеніи онѣ удобны. Кромѣ того въ нихъ есть извѣстная пріятность, когда они являются не въ злѣйшей формѣ, а на подобіе легкаго приступа подагры, дающаго вамъ право на діету, покой, халатъ и бархатныя туфли: — когда подагра обусловливаетъ у васъ известковыя отложенія, а матеріальныя невзгоды доводятъ васъ до тюрьмы, то это ужъ чортъ-знаетъ что... Ожидаемые у насъ гости мѣшаютъ мнѣ ѣхать на похороны, и я радъ этому. Я ненавижу похороны и всегда ихъ ненавидѣлъ: въ нихъ встрѣчаешь непріятную смѣсь притворства съ настоящею печалью; у главнаго осиротѣвшаго лица быть можетъ разбито сердце, а всѣ остальные напускаютъ на себя торжественную грусть и перешептываются о погодѣ и повостяхъ дня, а тамъ и сямъ еще какой-нибудь обжора наслаждается похоронною закускою... Я издали смотрѣлъ на похороны бѣднаго ребенка...

6-го мая. Та-же сцена безнадежной и бесполезной тревоги. Она (лэди Скоттъ) всегда встрѣчаетъ меня улыбкою и увѣряетъ, что ей лучше. Боюсь, что болѣзнь слишкомъ глубоко укоренилась. Я порядочный стоикъ, но напрасно говорю себѣ: «если эти вещи необходимы, то встрѣтимъ ихъ, какъ неизбежное.»

11-го мая. Шарлотта не могла проститься со мною, такъ какъ спала послѣ плохо проведенной ночи. Можетъ быть такъ и лучше. Волненіе могло ей повредить; а я ничего не могъ бы сказать ей, что бы стоило такого риска. Я предвидѣлъ въпродолженіи двухъ лѣтъ близость этого роковаго событія. Втеченіе послѣднихъ двухъ

мѣсяцевъ стало ясно, что выздоровленіе невозможно. Но разстаться съ подругой (съ которой прожилъ двадцать девять лѣтъ) въ то время, когда она такъ больна—этого я не предвидѣлъ, не могъ предвидѣть. Сердце мое разрывается при мысли, что мнѣ можетъ быть никогда уже не придется искать утѣшенія и совѣта у моего вѣрнаго и преданнаго друга.»

Племянница В. Скотта, Анна, дочь его брата Томаса, пріѣхала въ Абботсфордъ, какъ разъ передъ тѣмъ, когда романисту пришлось переѣхать по дѣламъ въ Единбургъ.

Единбургъ, 15-ю мая. Получилъ горестное извѣстіе, что все кончено въ Абботсфордѣ.

Абботсфордъ, 16-ю мая. Она умерла въ девять часовъ утра, послѣ тяжелыхъ двухдневныхъ страданій—теперь ей легко. Я пріѣхалъ сюда вчера поздно вечеромъ. Анна измучена и у нея были припадки истерики, которые повторились послѣ моего пріѣзда. Я едва могу отдать себѣ отчетъ въ томъ, что чувствую.—Временами я твердъ, какъ скала, временами слабъ, какъ вода, омывающая ея подножіе. Когда я сравниваю то, что теперь вокругъ меня, съ тѣмъ, что было еще такъ недавно, мнѣ кажется, что сердце мое разрывается. Я теперь одинокій, постарѣвшій, лишенный семьи, (за исключеніемъ Анны) обдѣнвшій, запутавшійся въ долгахъ человекъ, разлученный на вѣки съ другомъ, съ которымъ дѣлился мыслями и совѣтами котораго пользовался, съ другомъ, который всегда умѣлъ своими рѣчами успокоить во мнѣ злыя предчувствія, надрывающія душу того, кто переживаетъ ихъ одиноко. Даже ея слабости были мнѣ на пользу, заставляя думать о другомъ и отвлекая отъ томительныхъ размышленій о самомъ себѣ.

«Я видѣлъ ее. Но это не моя Шарлотта—не подруга, прожившая со мною тридцать лѣтъ. Та же самая симметрия формъ, хотя оцѣпенѣли члены, когда-то столь граціозно-эластичные. Эта желтая, сморщенная маска, которая какъ будто издѣвается надъ жизнью, а не подражаетъ ей, развѣ можетъ быть ея лицомъ, когда-то столь живымъ и вырази-

тельнымъ? Я не хочу больше смотрѣть на нее. Анна думаетъ, что она мало измѣнилась, потому что въ послѣднее время видѣла свою мать сильно страдающею — мои же воспоминанія относятся къ періоду, когда ей сравнительно было легко. Но если я долго буду писать такъ, то дойду до совершенной потери твердости, а мнѣ необходимо, напротивъ, поддерживать свое мужество. Я не знаю, что станетъ съ тою частью моихъ мыслей и чувствъ, которыя въ такой значительной мѣрѣ принадлежали ей въ продолженіе тридцати лѣтъ. Думаю, что они будутъ принадлежать ей по старому, во всякомъ случаѣ еще надолго ..

18-го мая. Насталъ другой день, прекрасный для внѣшняго міра; воздухъ мягокъ, цвѣты улыбаются, листья ярко зеленѣютъ. Она не можетъ наслаждаться этимъ, а для нея теплые дни были такимъ наслажденіемъ. Ее уже тѣсятъ свинецъ и дерево гроба и скоро покроетъ холодная земля. Но не мою Шарлотту, не невѣсту моей юности, не мать моихъ дѣтей положить среди развалинъ Драйбурга, которыя мы такъ часто и весело посѣщали для препровожденія времени. Нѣтъ! Нѣтъ! Она чувствуетъ и сознаетъ мою печаль гдѣнибудь и какимънибудь образомъ. Гдѣ? — мы сказать не можемъ. Какъ? — мы сказать не можемъ. И въ то-же время я ни за какія земныя блага не отказался бы отъ таинственной но вѣрной надежды увидѣться съ нею въ лучшемъ мірѣ!!..»

Вообще смерть жены тяжело подѣйствовала на В. Скота. Сыновья его, Чарльзъ и Вальтеръ, оба пріѣхали на похороны, и въ дневникѣ упоминается, что ихъ общество было для огорченнаго отца наилучшею поддержкою и утѣшеніемъ. Работа также требовала у него много времени, и ему въ полномъ смыслѣ слова было некогда горевать.

Втеченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ В. Скоттъ написалъ «Наполеона Бонапарта въ девяти томахъ, двѣ серіи «Канонгэтскихъ хроникъ», множество журнальныхъ статей, «Разказы дѣда о шотландской исторіи», и своими примѣчаніями много помогъ успѣху появившагося въ то время полнаго собранія его сочиненій. Такая неу-

томимая энергія не осталась безъ награды: на собраніи его кредиторовъ въ 1828 году была заявлена ему публичная благодарность за то, что онъ уже уплатилъ 40,000 ф. ст. въ счетъ своего долга. За все это время онъ жилъ очень уединенно съ дочерью Анной и только не надолго ѣздилъ въ Лондонъ и Парижъ, чтобы собрать матеріалы для исторіи Наполеона. У него былъ также небольшой кружокъ друзей, съ которымъ онъ встрѣчался по старому. За это время В. Скоттъ жилъ то въ Эдинбургѣ, то въ Абботсфордѣ, оставшемся въ его владѣніи съ очень небольшимъ количествомъ земли. Понятно, что при измѣнившихся матеріальныхъ средствахъ образъ жизни семьи былъ очень экономный. Интересно, какъ отнеслась прислуга къ извѣстію, что хозяинъ ихъ обѣднѣлъ. Старикъ дворецкій, которому сказали, что теперь нельзя будетъ держать его, расплакался и предложилъ служить безъ всякаго жалованья. Онъ дѣйствительно остался и, вмѣсто того, чтобы быть начальникомъ цѣлаго полкараторопныхъ слугъ, сталъ справлять собственноручно чуть не всю работу въ домѣ за половинное жалованье. Старый Питеръ, любимецъ всей семьи, служившій двадцать пять лѣтъ въ домѣ, какъ выѣздной кучеръ, превратился въ обыкновеннаго пахаря тоже по собственной волѣ, чтобы не покинуть любимаго хозяина. Все это сильно трогало В. Скотта, который, по словамъ Логкарта, съ необыкновенною чуткостью относился къ окружающимъ его людямъ и высоко цѣнилъ ихъ расположеніе и преданность. Тѣмъ печальнѣе была для него въ 1829 году смерть Пурди, до конца остававшагося его вѣрнымъ слугою и преданнымъ другомъ.

ГЛАВА V.

1830—1832.

Болезнь В. Скотта.—Поѣздка на континентъ.—Возвращеніе въ Абботсфордъ.—Послѣдніе дни и кончина В. Скотта.

Тяжелыя заботы В. Скотта и усиленный умственный трудъ не могли не отозваться на его здоровьѣ. Еще въ 1827 году въ его дневникѣ отмѣчено, что однажды, послѣ усидчивой и продолжительной работы, ему вдругъ стало казаться, что онъ уже когда то слышалъ всѣ происходящія вокругъ него разговоры. Въ слѣдующемъ году случилось нѣчто еще болѣе странное, именно на одномъ вечерѣ ему очень понравился романсъ, пропѣтый дочерью хозяина «Прекрасныя слова, чьи они?» спросилъ онъ Логкарта: —«вѣроятно Байрона, но я ихъ не помню.» Оказалось, что это его собственная пѣсня изъ романа «Пиратъ». Сначала В. Скоттъ разсмѣялся, но потомъ это внушило ему опасенія совсѣмъ потерять память. Онъ однако успокоился послѣ того, какъ втеченіе многихъ мѣсяцевъ ничего подобнаго не повторялось, причемъ снова предался работѣ и чуть не въ одно время писалъ романъ «Анну Гейерштейнъ,» вторую серію «Разказовъ дѣда» и критическія статьи для «Четвертного обозрѣнія».

Наконѣцъ 15-го февраля 1830 г. съ нимъ случился первый апоплексическій ударъ. Онъ по обыкновенію, вернувшись изъ суда, сѣлъ за работу. Въ гостиной сидѣла его дочь Анна и сестра Логкарта, когда В. Скоттъ вдругъ появился на порогѣ. У него было такое:

страшное выраженіе лица, что Анна не могла подумать ни о чемъ другомъ, какъ о семейномъ несчастіи и воскликнула.

— О! папа, Джонни умеръ?

В. Скоттъ ничего не отвѣчалъ и безсознательно смотрѣлъ на нее.

— Что же, папа, сама Софія?

Онъ продолжалъ стоять молча.

— Я знаю, это Вальтеръ, самъ. Вальтеръ! — произнесла Анна съ отчаяніемъ.

Въ эту минуту В. Скоттъ грохнулся на полъ. Послали за врачомъ и тотчасъ пустили больному кровь. Когда онъ пришелъ въ себя, то первыми его словами было: «Какъ это страшно, какъ это странно!» Поправившись, онъ разсказалъ, что его вдругъ охватило непонятное чувство: ему казалось, что все у него, начиная съ языка, сковано; онъ подумалъ, что отъ движенія это пройдетъ, и пошелъ въ гостиную, гдѣ при видѣ отчаянія дочери упалъ безъ чувствъ.

Онъ старательно скрылъ этотъ припадокъ отъ друзей и снова принялся писать, но въ его послѣдующихъ трудахъ уже сильно сказывался упадокъ таланта и умственныхъ силъ. Онъ написалъ послѣ своей болѣзни «Исторію Шотландіи», третью серію «Разсказовъ Дѣда», «Письма о демонологіи» и нѣкоторыя другія сочиненія.

Въ 1830 году было уменьшено число секретарей въ Эдинбургскомъ судѣ. В. Скоттъ остался за штатомъ и тотчасъ переѣхалъ въ Абботсфордъ. Здоровье его становилось все хуже и хуже. Онъ началъ страдать ревматизмомъ до такой степени, что самъ не могъ уже водить перомъ и диктовалъ своему другу Лэдлау. Его уговаривали перестать изнурять себя непосильнымъ трудомъ, но онъ не хотѣлъ никого слушать. Но, какъ ни боролся В. Скоттъ съ обстоятельствами и съ собственною болѣзнию, упадокъ силъ настолько отзывался на его произведеніяхъ, что издатели начали писать ему объ этомъ; онъ тогда работалъ надъ «Графомъ Робертомъ Парижскимъ». Тяжело было маститому долготѣвшему лю-

бимцу публики получать подобныя письма. Неоднократно упоминаетъ онъ объ этомъ въ своемъ дневникѣ и въ перепискѣ съ друзьями. Такъ, издателю своему Каделлю онъ между прочимъ пишетъ: «Ясно, что я потерялъ способность нравиться англійской публикѣ и долженъ бы былъ, по справедливости, оставить литературу, пока еще стѣю чего нибудь, какъ писатель. Это важный шагъ, но я не задумаюсь сдѣлать его, если это окажется необходимымъ... Откровенно говоря, я не могу однако бросить въ сторону полуоконченную книгу, какъ бутылку выдохшагося вина»...

Въ другомъ письмѣ къ Каделлю отъ 12 декабря 1830 года онъ говоритъ: «Есть много обстоятельствъ, которыхъ ни Балантайнъ, ни вы не могли знать и которыя, еслибы вы ихъ знали, повліяли бы на ваше мнѣніе, имѣющее такое серьезное значеніе для меня. Какъ отецъ мой, такъ и мать умерли отъ апоплексіи... Отецъ два года пережилъ ударъ—печальная и вовсе не желательная отсрочка. Меня разстроилъ по утру визитъ миссъ Юнгъ, послѣ чего, какъ вы знаете, я лишился языка. Врачи сказали, что виноватъ желудокъ; можетъ быть оно и вѣрно, но что-же мудренаго, что все это внушаетъ мнѣ опасенія»...

Въ своемъ дневникѣ онъ пишетъ:

«*Лондонъ, 2 октября, 1831.* Я былъ очень боленъ и если не вполнѣ потерялъ способность писать, то во всякомъ случаѣ былъ не въ состояніи дѣлать это собственноручно... Я тѣмъ не менѣе работалъ надъ двумя вещами, но плохо. Полное отсутствіе физическихъ силъ—вотъ мое главное страданіе. Я не могу пройти мили. Существуетъ помимо этого извѣстная доля умственнаго ослабленія, о которой быть можетъ самому нельзя судить. Можетъ быть, я—на закатѣ. Я самъ склоненъ это думать и сравниваю себя съ яснымъ днемъ, свѣтъ котораго угасаетъ среди тумановъ и грозъ. Приближеніе смерти не пугаетъ и не печалитъ меня. Тѣлесное страданіе предпочтительнѣе этого невыносимо унылаго настроенія духа... Я конечно желалъ бы умереть, если Господу

будеть угодно, такъ же спокойно, какъ докторъ Блэкъ и Томъ Пурди; но мы должны принимать то, что посылаетъ судьба. У меня не осталось никакой надежды сдѣлаться опять самимъ собою»...

Въ это тяжелое время вѣрные друзья В. Скотта не покидали его, и это повидимому доставляло облегченіе его страданіямъ. Утѣшеніемъ служило ему также быстрое уменьшеніе его долга. Въ 1831 году кредиторамъ оставалось получить всего только 54 тысячи ф. ст., и они постановили единогласно: «Просить сэра Вальтера Скотта принять отъ насъ его библіотеку, картины, серебро, мебель, бѣлье и прочія домашнія вещи, какъ доказательство нашей благодарности за его въ высшей степени благородное поведеніе и неслыханные труды на нашу пользу».

Къ заботамъ и болѣзни бѣднаго романиста прибавились еще разныя неприятности. Такъ, на выборахъ въ Селькиркъ, гдѣ онъ былъ обязанъ присутствовать въ качествѣ шерифа, народъ сдѣлалъ ему враждебную демонстрацію за его консерватизмъ. То-же самое происходило въ Жедбергѣ, гдѣ онъ говорилъ рѣчь.

Наконецъ ближайшіе родственники В. Скотта уговорили его созвать врачей, которые единогласно потребовали, чтобы больной отдохнулъ отъ умственного труда. Рѣшено было, что онъ съ дочерью Анною совершитъ путешествіе по Европѣ. В. Скоттъ поѣхалъ, но работать не пересталъ. Такъ, на Мальтѣ онъ почти написалъ романъ изъ исторіи Мальтійскихъ рыцарей, а въ Италіи повѣсть «Бизарра». Во время этого путешествія его вовсе почти не занимали новыя мѣста и лица. Онъ тосковалъ о потерѣ своихъ умственныхъ силъ и однажды выразился такъ: «Да, лучше умереть, чѣмъ пережить ихъ, лучше умереть, чѣмъ жить съ вѣчнымъ опасеніемъ ихъ потерять; но всего хуже лишиться части умственныхъ способностей и сознавать это». Говоря о своей жизни и дѣятельности, онъ высказалъ однажды мистеру Ченей, сопровождавшему его въ его прогулкахъ по Риму: «Я быстро приближаюсь къ концу

своей карьеры и вскорѣ сойду со сцены; я, быть можетъ, самый плодовитый авторъ своего времени, но меня утѣшаетъ мысль, что я не старался пошатнуть вѣры ни въ одномъ человѣкѣ, не распространялъ ни какихъ безнравственныхъ принциповъ и не написалъ ни одной строчки, которую на смертномъ одрѣ пожелалъ бы вычеркнуть». Своимъ путешествіемъ В. Скоттъ очень тяготился, его тянуло на родину въ любимый Абботсфордъ. На возвратномъ пути съ нимъ опять сдѣлался ударъ, послѣ котораго онъ только временами приходилъ въ себя. Все дальнѣйшее путешествіе по Англии и Шотландіи было до крайней степени печально и затруднительно, такъ какъ больной былъ очень слабъ. Когда однако стали приближаться къ Абботсфорду, родные звуки точно пробудили В. Скотта къ жизни, и онъ сталъ произносить имена окрестныхъ селеній; а когда представился его глазамъ видъ башенъ Абботсфорда, онъ громко вскрикнулъ отъ восторга и его едва могли удержать въ каретѣ. На порогѣ замка его встрѣтилъ Лэдлау и помогъ Логкарту и дочерямъ больного провести его въ столовую, гдѣ для него была приготовлена постель. Онъ растерянно смотрѣлъ вокругъ; когда взглядъ его упалъ на Лэдлау, онъ произнесъ «А! Вилли Лэдлау! Другъ, какъ часто я думалъ о васъ!» Собаки его окружили кресло, на которомъ онъ сидѣлъ — онѣ лизали ему руки, а онъ плакалъ и смѣялся, лаская ихъ, пока не задремалъ. На слѣдующее утро, несмотря на зловѣщія предсказанія врачей, домашнимъ больного показалось, что блеснулъ лучъ надежды. В. Скоттъ проснулся въ полномъ сознаніи и выразилъ настойчивое желаніе, чтобы его снесли въ садъ. Слѣдующіе дни ему было повидимому еще лучше. Его возили въ креслѣ по дому и саду. «Я видѣлъ многое, говорилъ онъ, но не знаю ничего лучше моего собственнаго дома». По его просьбѣ ему читали вслухъ, но случалось, что кромѣ библіи онъ принималъ все за новое, даже такія вещи, которыя зналъ чуть не наизусть. Относительно своего матеріальнаго положенія онъ совсѣмъ не

безпокоился, такъ какъ ему представлялось, что оно совершенно поправилось и что всѣ долги уплачены. Его не разувѣряли. 16-го іюля онъ былъ очень слабъ и пробылъ въ постели, но 17 послѣ завтрака попросилъ, чтобы его свезли въ садъ. Продремавъ тамъ въ креслѣ съ полчаса, онъ вдругъ проснулся, сбросилъ прикрывавшіе его пледы и сказалъ: «что за печальная лѣньность! я забуду все, объ чемъ думалъ, если не запишу тотчасъ же. Свезите меня въ мою комнату и принесите ключи отъ конторки». Онъ такъ серьезно и настойчиво требовалъ этого, что ему не рѣшились противорѣчить. Когда кресло придвинули къ конторкѣ и онъ очутился въ привычномъ положеніи, то улыбнулся, поблагодарилъ окружающихъ и сказалъ: «Теперь дайте мнѣ перо и оставьте меня одного».

Софія вложила ему перо въ руки и онъ хотѣлъ сомкнуть пальцы, но они не повиновались его волѣ, и перо упало на бумагу. Больной опустился на подушки кресла, не сказавъ ни слова, и слезы потекли по его щекамъ; потомъ, успокоившись, онъ знакомъ попросилъ Логкарта увезти его снова въ садъ, гдѣ вскорѣ задремалъ. Когда онъ проснулся, Лэдлау сказалъ Логкарту: «сэръ Вальтеръ немного отдохнулъ». — «Нѣтъ, Вилли», отвѣчала больной: для сэра Вальтера нѣтъ отдыха, иначе какъ въ могилѣ». Слезы опять потекли у него изъ глазъ. «Друзья», сказалъ онъ, «не давайте меня на посмѣяніе, а положите въ постель—тамъ мое мѣсто». Послѣ этой сцены никто уже не обманывалъ себя несбыточными надеждами. Съ этого дня и до самой смерти В. Скоттъ былъ почти все время въ безсознательномъ состояніи. Семнадцатаго сентября больной ненадолго пришелъ въ себя и тотчасъ послалъ за Логкартомъ. Онъ былъ очень слабъ, но спокоенъ въ полномъ сознаніи. «Логкартъ», обратился онъ къ зятю: «мнѣ осталась, можетъ быть, только одна минута, чтобы поговорить съ тобою. Другъ мой, будь добрымъ человѣкомъ, будь добродѣтельнымъ, будь хорошимъ человѣкомъ. Ничто другое не утѣшитъ тебя, когда придетъ твоя очередь умирать». — Онъ замолчалъ

и Локгартъ спросилъ его: «Не послать-ли за Софіей и Анной?» «Нѣтъ,» отвѣчалъ онъ: «не безпокой ихъ. Бѣднѣжки! Я знаю, что онѣ не спали всю ночь—Господь да благословить васъ всѣхъ».—Послѣ этого онъ спокойно заснулъ и только одинъ разъ пришелъ въ нѣкоторое сознание, когда пріѣхали его сыновья.

21 сентября 1832 года сэръ Вальтеръ Скоттъ скончался; всѣ близкіе окружали его. Былъ чудный солнечный день, такой теплый, что открыли всѣ окна; было такъ тихо, что въ комнату ясно доносилось журчаніе Твида, который онъ такъ любилъ при жизни. Дѣти умирающаго стояли на колѣняхъ вокругъ его постели, и старшій сынъ закрылъ ему глаза. 26 сентября бранные останки маститаго писателя, при большомъ стеченіи народа, были преданы землѣ въ Дрейбургской обители. Его схоронили рядомъ съ женою. На могилѣ положили четырехъ-угольную гранитную плиту съ надписью: «Сэръ Вальтеръ Скоттъ, баронетъ; умеръ 21 сентября 1832 года».

Мечта В. Скотта—основать родъ Скоттовъ изъ Абботсфорда—не осуществилась. Сыновья его умерли бездѣтными. Правнучка его Марія, дочь Шарлотты Локгартъ, вышла замужъ за Джэмса Гоппа, который послѣ смерти послѣднихъ Скоттовъ принялъ ихъ имя. Семейство Гоппъ-Скоттъ владѣетъ нынѣ Абботсфордомъ и поддерживаетъ его въ прежнемъ, неизмѣнномъ видѣ. Другая цѣль В. Скотта, которой онъ такъ благородно и мужественно пожертвовалъ всѣмъ, и талантомъ и жизнью, именно уплата долговъ, была вполнѣ достигнута послѣ его смерти. Весь долгъ, за вычетомъ суммы, въ которой романистъ застраховалъ свою жизнь, простирался въ 1832 году до 30,000 ф. стерлинговъ. Каделль, издатель полнаго собранія сочиненій В. Скотта, принялъ этотъ долгъ на себя, взаимнѣ уступленнаго ему права собственности на всѣ произведенія покойнаго автора. И кредиторы получили сполна все, что имъ слѣдовало, съ процентами до послѣдняго пенни.